

Под другим углом

ДЕНИС АБСЕНТИС

ПОД
ДРУГИМ
УГЛОМ

РАССКАЗЫ О ТОМ, КАК ВСЕ БЫЛО
НА САМОМ ДЕЛЕ

Denis Absentis
From a Different Angle

Copyright © 2011 by Denis Absentis
Cover design © 2011 by Elmira Kruglova

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system without express written permission from the author.

ISBN:978-1-257-93799-8

RV 69-109
www.books.absentis.org

Think from a different angle

ИСТИННАЯ РЕЛИГИЯ

У тихоокеанских островитян есть религия самолетопоклонников. Во время войны они видели, как приземляются самолеты, полные всяких хороших вещей, и они хотят, чтобы так было и теперь. Поэтому они устроили что-то вроде взлетно-посадочных полос, по сторонам их разложили костры, построили деревянную хижину, в которой сидит человек с деревяшками в форме наушников на голове и бамбуковыми палочками, торчащими как антенны — он диспетчер, — и они ждут, когда прилетят самолеты. Они делают все правильно. По форме все верно. Все выглядит так же, как и раньше, но все это не действует. Самолеты не садятся.

(Ричард Фейнман)

Пошла уже вторая неделя пребывания Майкла Далла на Танне. Плетеное бунгало было уютным. Даже непомерная цена в 300 долларов в день не казалась такой уж большой из-за первобытной красоты тонущего по вечерам в океане огромного солнца. Завтра этот рай для него закончится, впереди — долгие перелеты и безжизненно-стерильные коридоры факультета антропологии университета в Лос-Анджелесе. Майкл сидел в открытом ресторанчике под огромным баньяном и смотрел на восток, где небо озарялось вспышками от фейерверков разыгравшегося сегодня не на шутку постоянно действующего вулкана Ясур. Кажется, именно отблески вулкана и привлекли на остров заметившего их капитана Джеймса Кука в далеком 1774 году. Небо было ясным и прохладным, хотя сезон дождей еще не кончился.

— Лучше бы он их не заметил, правда? — проронила одинокая пожилая француженка за соседним столиком.

— Простите? — Майкл не сразу смог оторваться от своих мыслей.

— Я про Джеймса Кука. Лучше бы его съели на Гавайях на пять лет раньше. Я видела вас сегодня на празднике. Великолепное и радостное было зрелище, согласитесь. Эти туземцы такие милые и наивные. Поэтому я и вспомнила Джеймса Кука. Мне неприятно знать, как с этим дружелюбным народом поступили наши предки.

— Острова все равно бы открыли раньше или позже. Не стоит винить Кука в этом, да и, строго говоря, он был не первым, кто добрался до этих островов. Все проблемы у туземцев начались позже, когда появились европейские торговцы, плантаторы и миссионеры. Колониальная политика, эпидемии, работорговцы. Это было время «охоты на черных дроздов». Их вывозили на плантации до начала XX века.

— Я знаю, что из миллиона жителей Вануату осталось только сорок тысяч. Это ужасно! Поэтому я так счастлива, что теперь у них все хорошо. Обязательно приеду сюда на следующий год. Спокойной ночи вам.

Француженка отправилась в свое бунгало. Майкл остался в ресторане один.

— Какое вино вы предпочитаете сегодня? — управляющий гостиницы с непроизносимым местным именем возник словно из-под земли. — Мы только что получили французское сабли из Новой Каледонии.

— Нет, спасибо, по вечерам я предпочитаю красное вино. Лучше бокал австралийского шираза. И закажите, пожалуйста, мне такси на завтра. У меня утренний самолет. — Майкл на всякий случай сверился с билетом. Да, среда, 16 февраля, в 9:40 утра.

Управляющий исчез и через минуту появился с блестящим подносом в руке.

— Я надеюсь, вы хорошо отдохнули у нас, мистер Далл, — проникновенно произнес он, ловко наливая вино. — Мы будем очень рады видеть вас снова. Вы ведь пишете книгу о нашей жизни?

— Ну, не знаю еще, получится ли книга, — улыбнулся Майкл. — Пока материала только на статью. Да и про ваш знаменитый карго-культ мне, к сожалению, не удалось узнать

ничего нового. Я все же думал, что смогу на месте сделать какие-нибудь наблюдения, увидеть, быть может, то, что как-то ускользнуло от внимания других. Но я был излишне самонадеян.

— Разве про него еще не все известно? — рассеяно спросил управляющий, отвлекшись на возню и визги пары летучих лисиц в кроне дерева. — Единственные млекопитающие у нас здесь, кроме летучих мышей. Очень вкусные. У нас есть на кухне несколько экземпляров, не желаете ли, как раз под красное вино?

— Нет, спасибо, — отказался Майкл. — Я скорее консерватор в пище, чем гурман. Предпочитаю гамбургеры. А про карго-культы все давно известно. Вот это-то меня и настораживает. Мне кажется, что-то упущено в этих описаниях. Я достаточно хорошо понимаю речь на бислама и не раз пытался поговорить об истоках культа с местными жителями, но никто, кажется, уже не помнит, как все начиналось.

— Может, вам стоило бы поговорить с Ясуром... — задумчиво пробормотал управляющий. — Хотя он не очень-то любит общаться с приезжими.

— С Ясуром? — озадаченно протянул Майкл, машинально посмотрев в сторону вулкана.

— Нет-нет, — весело рассмеялся управляющий, — Ясур на нашем языке значит «старик». Да, вулкан — тоже «старик», но я имел в виду человека с таким же именем. Он давно живет здесь. Очень давно. Никто не помнит, когда он сюда приехал. Говорят, он знает все даже о самых старых и уже почти забытых местных обычаях. Правда, он не слишком-то разговорчив.

— Жаль, что я не спросил вас раньше, — с легкой досадой вздохнул Майкл. — Времени у меня, к сожалению, уже не осталось...

— Он живет далеко отсюда, но завтра, в среду, он будет здесь завтракать. Это практически традиция, я работаю здесь уже шесть лет и не помню, чтобы старик пропустил хотя бы один такой день. Вы, наверное, успеете с ним поговорить до своего отъезда. Если, конечно, он захочет с вами разговаривать. Я спрошу его об этом завтра с утра, но если он будет не в настроении, то уж не обессудьте. Он стар, очень стар.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Майкл и почему-то посмотрел на небо. Вулкан заснул, небо было черным. Летучие лисицы замолчали, закутались в кожистые крылья и маленькими вампирами из голливудских фильмов висели на ветвях.

Утром Майкл проспал на завтрак. Разбудил его уже шофер, белозубый улыбающийся блондин-меланезиец, постучавший в дверь и сообщивший, что машина подана. Майкл, чертыхаясь, быстро собрал чемодан и вышел в ресторан выпить хотя бы чашку кофе перед отъездом.

— Прошу прощения, мистер Далл, вы не оставили указаний вас разбудить, а мы сами не решились беспокоить вас перед долгим путешествием. — Управляющий выглядел несколько смущенно.

— Ничего страшного, я позавтракаю в Порт-Вилла, у меня достаточно времени между рейсами. Скажите, а старик, о котором вы вчера говорили...

— Я сказал ему о вас. Ясур поговорит с вами, мистер Далл. Он там, в беседке в углу. Но у вас есть только минут десять, иначе можете опоздать на самолет.

— Спасибо, — пробормотал Майкл, залпом выпил чашку кофе и быстро зашел в проход между корней баньяна.

Худощавый высокий старик сидел на циновке в позе буддийского монаха с пиалой чая в руках. Морщинистая кожа, глубокий загар, живые глаза. Майкла удивили его явно европейские черты лица, он почему-то решил, что управляющий, чье имя он так и не смог запомнить, говорил ему о местном старце.

— Боинакомаха сказал, что вы хотели что-то узнать о религии небесных Даров, мистер Далл? — старик с интересом оглядел Майкла. — Боюсь, я не смогу вам помочь. Я слишком стар, и память уже часто подводит меня. Я плохо помню, как все это начиналось. Оно просто случилось так, как случилось. Вряд ли я смогу рассказать вам что-то, что вы еще не знаете. Разве ученые уже не изучили местный культ грузов вдоль и поперек?

— В том-то и дело, что изучили. Но я сейчас пишу книгу по социальной антропологии и этнологии, и меня гложут

сомнения. Вчера я был на ежегодном празднике в честь Джона Фрума. Это было очень красиво, все эти многочисленные танцевальные и музыкальные представления и парады, но...

Майкл задумался. Конечно, он хорошо знал общеизвестную историю культов карго. Все эти культы — от самых ранних, девятнадцатого столетия, почти мифических, и до более известных, возникших уже после Второй мировой войны, — следовали, как считалось, одной и той же схеме. Зарождались они независимо на разных островах, далеких друг от друга как географически, так и в культурном плане. Новая Каледония, Соломоновы острова, Фиджи. На многих островах возникло даже не по одному, а несколько разных культов. Островитяне наблюдали за тем, как корабли, а затем и самолеты привозят откуда-то белым людям грузы, а белые люди расплачивались иногда ими с туземцами за услуги проводников. Особенно это стало видно после высадки американских солдат в Вануату во время японской кампании. Множество полезных вещей сыпалось тогда с неба. Одежда, обувь, зажигалки, фонарики, мясные консервы, красивые жестяные банки с джемом, стальные ножи, палатки, джипы. Но никто не видел, чтобы американцы сами делали эти вещи. Белые люди хитрили, рассказывая туземцам о каких-то заводах и промышленности, и о том, что все полезные вещи они делают сами. Островитяне же были наблюдательны и заметили обман. Американцы зачастую сами даже не могли починить свои зажигалки и радиоприемники. А раз не могли починить, то как могли их делать?

Дело было ясное — бледнолицых снабжали карго духи предков. Уверовав в возможность доставки благ современной цивилизации с небес с помощью магии, туземцы начали наблюдать за таинственными ритуалами белых людей. Бледнолицые вели себя более чем странно. Они надевали одинаковую одежду и шагали, чеканя шаг, взад-вперед — более бессмысленное занятие и представить трудно. Они строили высокие мачты и закрепляли на них проволоку, надевали на голову странные предметы, из которых раздавались тихие голоса духов. Чтобы духи послали груз, эти магические ритуалы следовало повторить.

Тогда и развился культ Джона Фрума. И хотя эта странная религия появилась буквально на глазах, никто не знает, существовал ли такой человек в действительности. Была версия, что возникновение движения связано с местным жителем по имени Манехиви, который под псевдонимом «Джон Фрум» начал пропаганду культа карго. Антропологи предполагали, что «frum» — это искаженное «from», «из». Вероятно, Джон из Америки. Некоторые считали, что Джон Фрум был духом или видением, возникшим из-за кава — местного галлюциногена, который давно и безуспешно пытались запретить миссионеры. Туземцы же уверяли, что видели его, и он обещал им наступление дней, когда духи смилятся, сгонят с их земли белых людей и начнут присылать неограниченное количество карго. Все это произойдет, если островитяне будут правильно призывать духов предков, откажутся от европейских денег, христианства, работы на кокосовых плантациях. Более всего колониальное правительство обеспокоило пророчество Джона Фрума о том, что во время второго пришествия он принесет с собой новые деньги с изображением кокосового ореха, и в связи с этим все должны избавиться от валюты белого человека. Администрация колонии арестовала зачинщиков, но никакие действия уже не могли искоренить культ Джона Фрума. Деньги были потрачены, церкви и школы христианской миссии опустели.

Джону Фруму удалось преобразовать внушенные островитянам миссионерами представления о Боге в новую религию. После войны базы были демонтированы и эвакуированы, и поток карго иссяк. Чтобы возобновить его и вызвать железных птиц, несущих желанные грузы от духов предков, последователи культа Джона Фрума стали строить символические взлетные полосы с макетами самолетов. Рядом выросли бамбуковые вышки, где дежурили «диспетчеры», носящие на голове муляжи наушников. Но железные птицы все не прилетали.

Множество антропологов изучало этот странный культ. Когда они добрались до острова, то обнаружили там совершенно невиданное зрелище. Везде были натканы столбы, соединенные между собой пеньковыми веревками. Одни туземцы

очищали «взлетные полосы» от кустарника, строили плетеные вышки с антеннами, махали разноцветными флажками из крашенных циновок, другие в наушниках из половинок кокосов кричали что-то в бамбуковые микрофоны.

Годы спустя ритуалы дополнились символическими военными парадами «Армии Танны» — туземцы, с раскрашенными надписями USA смуглыми телами, маршировали по символическому плацу с бамбуковыми муляжами ружей, рисовали красками военные медали на своей коже. С тех пор эти парады ежегодно проводятся 15 февраля, в день, когда, согласно последователям культа, Джон Фрум должен явиться островитянам. Культ карго давно вошел в справочники и учебники. Антропологи написали много серьезных работ о сочетании в культе миллениаризма, нативизма, модернизационных тенденций и элементов аккультурации. И вроде бы все это объяснялось просто, но Майку все еще что-то не давало покоя.

— Я действительно хотел вас расспросить, как все начиналось, — высказал, наконец, свои сомнения Майк, — но вдруг понял, что это не столь важно. В глубине души мне не давал покоя совсем другой вопрос — почему все это не закончилось? Ведь культы карго возникали давно, и было их множество, но большинство из них исчезло еще до возникновения культа на Танне. Почему только на острове Танна культ все еще процветает, когда остальные культы давно уже сошли на нет, растеряв своих последователей?

— Им просто не хватило веры, мистер Далл, — убежденно ответил старик. — Не ищите здесь особой загадки и какой-то мистики. Одни разочаровались в своих надеждах и вернулись к вере в духов деревьев, другие стали христианами, кто-то вообще перестал искать богов. Это просто вопрос веры. Только на Танне вера осталась сильна.

— Прошу прощения, но нам пора ехать, мистер, — подошедший к Майклу шофер указал на джип и вежливо наклонил голову. — Иначе вы опоздаете на самолет.

— Спасибо, иду, только заберу вещи, — Майкл с досадой развел руками, вежливо попрощался со стариком и пошел к машине.

Внезапно он остановился и вновь повернулся к старику.

— Но почему они все еще верят, что их религия — единственно правильная?

— Только она и есть единственно правильная религия. Они в это не то чтобы верят, они это знают, — просто ответил старик. — Ведь это истина.

— Все верующие убеждены, что они знают истинность своих богов. Неужели вы тоже верите в Джона Фрума? — Майкл был слегка шокирован.

— Зачем мне в него верить? — удивился старик. — Я лишь говорил о том, что Джон Фрум — единственный пророк, не обманувший своих последователей. Все религии только наживаются на своих адептах, отдающих жрецам всякие десятины, делающих пожертвования и подношения. Эта религия — единственная, помогающая верным ей.

Майкл озадаченно посмотрел на старика и вдруг понял, что тот говорит чистую правду. Наверное, Савл на дороге в Дамаск, услышав глас Божий с неба, ощутил схожее озарение. Но прозрение Майкла было обосновано. Да и как можно было не уверовать в карго-культ, когда это и в самом деле единственная религия, которая выполняет то, что обещала. И Майкл видел это своими собственными глазами. Те, кто начинал семьдесят лет назад строить бамбуковые самолеты — вот их еще могли грызть сомнения. Их упорство нуждалось в вере. Не в Джона Фрума — они его видели живую. А в сильной вере в странное пророчество Джона Фрума. Вере в то, что эти макеты самолетов действительно сработают. Что годы спустя найдутся наивные люди, которые поверят в их реальность, спроецировав свое воспитанное веками невежества мистическое сознание на строителей игрушечных макетов. И один из них, нобелевский лауреат Фейнман, заявит, что «самолеты не садятся». Джон Фрум оказался хорошим психологом.

Словно подтверждая мысли Майкла, над его головой в аэропорт Белой Травы пролетел самолет из Порт-Виллы. Все происходит так, как и предрекал Джон Фрум. Республика Вануату теперь независимая страна, где чеканят монеты

с изображением кокосов. Энтузиазм зодчих бамбуковых аэродромов был вознагражден — их смешные макеты привлекли высокомерных бледнолицых туристов, которые стали часто посещать остров, добровольно платя несуразно большие деньги за то, чтобы посмотреть на забавных дикарей, поклоняющихся плетеным самолетам. А за эти деньги другие бледнолицые торговцы стали привозить вожделенное карго. Привозить только за то, что последователи единственной истинной религии жгут ритуальные костры у бамбуковых взлетных полос. Именно это и обещал своим последователям Великий Джон Фрум.

И тут скорее стоит говорить о глубокой искренней вере туристов, об их культе поклонения своим представлениям о наивных дикарях, о традиционных религиозных ритуалах паломничества. Им это нужно, это антропологический архетип. Майкл подумал, что больше уже не сможет называть себя агностиком в привычном американском смысле — ибо он поверил теперь, что истинные религии существуют. Он взглянул на старика и внезапно понял, что знает его имя.

Старый Джон лишь хитро улыбнулся невысказанным мыслям Майкла и помахал ему на прощание рукой.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

— «Двадцать лет спустя». Лавры Дюма покоя не дают? — усмехнулся Иван Карлович, глядя на название рукописи.

— Это набросок романа, своего рода антиутопия, концепт, так сказать. — Алексей заметно нервничал и казался возбужденным. — Я просто фантазировал, что может случиться лет через двадцать. Сейчас вот 1990 год, а как оно будет дальше, что нас ждет, например, в 2010?

— Ну-с, вот мы и почитаем. Я, голубчик, знаете ли, с детства мечтал стать редактором, даже в школе выпускал стенгазету. И до сих пор страстно люблю читать всякие необычные сочинения. Не только по служебной надобности, а, так сказать, для души. Это раскрывает мне новые границы этого несовершенного мира, наводит на философские раздумья... Так что, давайте посмотрим, какой из вас Нострадамус. — Иван Карлович надел очки и наугад открыл помятую тетрадку где-то в середине. — Я вслух зачитаю, чтобы и Евгений Васильевич прослушал. Так-с...

...Особые изменения произойдут в духовной сфере, которая сама начнет трактоваться как отказ от заблуждений разума. Как будто само время изменит свой ход, прикидываясь лентой Мебиуса. Неверующие станут верующими, а верующие — неверующими. И каждый из них настолько возведет в абсолют свою картину мира, что будет отрицать все, что в нее не укладывается. Все будет подвергаться сомнению, не останется более ничего определенного. И само такое неверие, которое в сути своей есть вера, станет основой мировосприятия. Критичными станут считаться не те, кто сомневается в непроверенных фактах, а те, кто усомнится в проверенных. Скептиками прослынут не те, кто призывает проверять сомнительное, а те, кто отрицает уже давно

доказанное. Мир вокруг обернется воображаемым воздушным замком, дрожащим на ветрах времени лишь по воле создавшего его демиурга. И кто-то найдет в Библии слова Иисуса: «пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы», и увидит в этом доказательство того, что свершилось пророчество. Бытие станет представляться непознаваемым или познаваемым лишь эзотерическими практиками. Великая смута охватит умы. Люди, потерявшие последние ориентиры, будут все глубже погружаться в пучину веры, которая в сути своей станет агрессивным неверием во все, что противоречит самой этой вере...

Иван Карлович поднял глаза и подозрительно прищурился, но ничего не сказал и перелистнул несколько страниц.

...Наука будет умирать. Даже сами звания профессора и академика станут подозрительными. Люди будут считать, что воду можно положительно структурировать, рассказав ей что-нибудь доброе. Торговля гомеопатическими растворами печени утки возрастет в десятки раз. В школах начнет преподаваться религиозная картина мира. На улицах Москвы будут молиться толпы мусульман, а в пасху за куличами будут стоять многокилометровые очереди православных. Жрецы будут обрызгивать святой водой ракеты перед их стартом в космос, и не одна ракета не полетит без иконы. Молебны об изгнании полевых мышей станут регулярной практикой помощи сельскому хозяйству. К молитвам о дожде будут призывать центральные газеты летом, а молитвы о снеге пройдут зимой. Будут тонуть освященные подводные лодки, а священники станут винить в этом жен моряков. Они также будут объяснять, что всеобщие молебны о прекращении засухи и пожаров не приводят к результатам только потому, что грешные женщины продолжают делать аборты. Под псалмы стоящих рядом служителей культа паства будет целовать разводы

мочи на стенах клубов, принимая их за образы Христа, а Госдума будет обсуждать законопроекты по лицензированию колдунов. По радио будут выступать научные эксперты, объясняющие, почему алтайские йети отбирают еду у кузбасских медведей, а телевизионное шоу сантехника-целителя о пользе лечения мочой станет даже популярнее астрологических прогнозов, используемых в аналитике финансовых обозревателей...

Отложив помятую тетрадку в сторону, Иван Карлович снял очки и невесело покачал головой, с сожалением глядя на пациента.

— Эх, батенька... А я уж думал вас выписывать. Поторопился. Очень нездоровые у вас фантазии, голубчик, очень. Налицо болезненное воображение, ложные ассоциации, депрессия. Это ж надо такое напридумывать, что не может произойти никогда, даже в самом кошмарном сне. Что скажете, Евгений Васильевич?

— Будущее представляется пациенту бесперспективным, жизнь — не имеющей смысла, — поддержал лечащий врач Смирнов. — И явная шизофазия в сочинениях прослеживается. Да и взгляните — выражение лица больного скорбное, печальное. Скажите, Алексей, щемящее чувство в области сердца ощущаете?

— Нет, — сухо и безнадежно ответил Алексей.

— Вот видите, и на вопросы отвечает крайне односложно. Характерная клиническая картина, — согласно кивнул главврач психиатрической больницы Иван Карлович Земский. — Чувствуется гнетущее чувство безысходности, душевная боль. Полагаю, мы имеем дело с маниакально-депрессивным психозом в стадии перехода из состояния депрессии с бредом и ажитацией к маниакальной стадии. Тогда он еще и не такого понапишет. Сестра, вколите-ка больному аминазинчика три кубика и в шестую палату его!

АКЕЛА И МАУГЛИ

— *Никто не может быть вожаком Стаи вечно, — сказала Багира.*

Акела ничего не ответил. Он думал о той поре, которая настает для каждого вожака Стаи, когда сила уходит от него мало-помалу. Волки убивают его, когда он совсем ослабевает, а на его место становится новый вожак, чтобы со временем тоже быть убитым.

— *Возьми детеныша, — сказал он Отцу Волку, — и воспитай его, как подобает воспитывать сыновей Свободного Народа.*

Так Лягушонок Маугли был принят в Сионийскую стаю.
(Редьярд Киплинг)

Акела еще раз разбежался и прыгнул. Опять ничего не получилось. На этот раз он промахнулся еще сильнее и не только ободрал бок об острый камень, но и вывихнул лапу. Это был конец. Последние проблески надежды угасли. Волк-одиночка отполз в сторону и завыл от безысходности.

— Эй! — окликнул старого волка Маугли, спрыгнув с дерева. — Что случилось, Акела?

— А, это ты, Маленький Брат, — пробормотал старый волк, вздрогнув от неожиданности. — Зачем ты спрашиваешь, что случилось? Ты ведь и сам видел. А я, действительно, уже настолько стал стар, что даже не учуял твоего приближения.

— Ты тренировался перед охотой? Боишься промахнуться?

— Теперь я не то чтобы промахнусь, а просто прыгнуть уже не смогу, — Акела посмотрел на свою вывихнутую лапу. — Я теперь уже Мертвый Волк. Они сейчас убьют меня прямо на Скале Совета. Но умирать-то не хочется! Сам понимаешь, инстинкт выживания. Да и тебе, человеческий детеныш, тоже придется поскорей убегать подальше отсюда. Ведь без меня задерут тебя молодые волки, науськанные Шер-Ханом.

— Да, ну и законы у вас тут в волчьей стае! Все не могу привыкнуть... — Маугли замолчал, удрученный перспективой.

— Что ж поделаешь, с волками жить — по-волчьи выть.

— погоди, а вот это уже интересно! Давно хотел спросить, зачем вы на луну воете? Я вот тоже всегда с вами был, но за компанию, не задумываясь. А истоки-то где?

— О, это древняя легенда. Когда-то в давние-давние времена, когда был великий голод, и некоторые волки от отчаяния даже ели волчьи ягоды, наш вожак Великий Волк отошел по нужде к кусту. Но только он поднял лапу, как сама Луна заговорила с ним. И приказала ему Луна вести стаю в Благословенный Лес. Некоторые волки сначала не послушались, говорили, что не надо никуда идти. Мол, неизвестно, много ли там тельцов, и даже намекали, что от волчьих ягод не только Луна из куста заговорит. Но остальные волки бунтовщиков, слава Луне, перегрызли, и стая отправилась в путь. И сорок лет блуждала наша стая по чащобам, пока мы не пришли сюда...

— Мда... — протянул Маугли, осмотрев пожухшие от жары безжизненные джунгли Сионийских гор. — Трудно было найти место, более... Ну да ладно, не об этом речь. Есть идея. Главное — ни о чем не спрашивай и делай то, что я скажу.

Маугли постоял с минуту, задумавшись, и полез обратно на дерево.

Вскоре Стая уже собралась у Скалы Совета. Шер-Хан с шакалом Табаки болтались неподалеку.

— На охоту, на охоту! — злобно таякали молодые волки. — Пускай волк-одиночка покажет свою силу! Дорогу Вожаку Стаи! Пусть прыгнет Акела!

Акела, хромя, вышел из джунглей и окинул Стаю печальным взглядом.

— Свободный Народ, и вы, шакалы Шер-Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за это время ни один из вас не попал в капкан и не был искалечен. Но мое время прошло. Теперь за мной идет тот Сильнейший, которому я даже ноги лизать не достоин. Покайтесь! — Акела еще раз

посмотрел на ничего не понимающих волков и спокойно улегся под деревом рядом со Скалой Совета.

Следом за ним из джунглей появился Маугли.

— Акела сегодня не пойдет на охоту. На него в реке вчера напал Некто и повредил ему ногу. Но он не смог победить нашего Акелу! Хотя и боролся Некто с ним до появления зари! — громко сообщил Маугли.

— Что за чушь ты несешь? — раздраженно протыкал один из молодых волков.

— Волки, братья мои! — начал вещать Маугли, воздев руки к небу. — Мы все одной крови — я и вы. Так говорит Закон Джунглей. Я родился в джунглях, я слушался Закона Джунглей, и нет ни одного волка в Стае, у которого я не вытащил бы занозы. Я исцелял вас и изгонял из вас болезни. И не нарушить Закон я пришел, но исполнить. Все вы — мои братья! Плоть от плоти. Моя Кровь — ваша Кровь.

— Да он здесь демагогией занимается! — прорычал Шер-Хан. — Убейте его!

— Заткнись, полосатая кошка! — презрительно закричал Маугли. — Ты всегда был противником рода волчьего от начала, и Луна покарает тебя.

— Не слушайте этот бред! — проревел Шер-Хан. — Я разорву человеческого детеныша!

Маугли быстро схватил припасенный горшок с Красным Цветком и швырнул его на землю. Горящие угли подожгли сухой мох, и он вспыхнул ярким пламенем.

— Красный Цветок, Красный Цветок, — в ужасе завывали волки.

Выватив горящий сук, Маугли стал бить им Шер-Хана по голове. Тигр скулил и стонал в смертном страхе.

— Фу! Теперь убирайся прочь, паленая кошка! И не попадайся мне больше на глаза, а не то спущу с тебя шкуру!

Тигр, жалобно воя, скрылся в джунглях, а Маугли обернулся к Стае.

— А теперь слушайте меня, о волки! Вчера на меня снизошло Откровение от Луны. Она любит вас! Голод был послан Луной лишь в испытание нам. А вы согрешили, задумав

убить Акелу в сердцах ваших. Как думаете вы, почему сейчас в джунглях мало ланей и оленей?

— Потому что все засохло, и им нечего есть, — неуверенно провыл поджарый молодой волк, опасливо косясь на Красный Цветок.

— Правильно! Но Луна милостива и прощает вас. И в знак прощения пошлет дождь, чтобы дичь вернулась на Сионийские горы. Дождь, которого мы не видели уже столько дней, сколько волосков у вас в хвостах. И наша гора будет полна молодыми вкусными оленями. Но за это Луна требует назначить Акелу первым Жрецом!

— Кем-кем? — прокашлял один из старых волков озадаченно.

— Жрец — это тот, кто жрет. Вы приносите добычу, а он жрет — что тут непонятного? А поскольку он жрет не просто так, а во славу Великой Луны, то вам всегда будет сопутствовать удача на охоте, и еды у вас станет еще больше. Вы ведь не сомневаетесь в истинности того, что говорит Луна?

Волки еще не успели ничего возразить, как в небе полыхнула молния, и полил проливной дождь. Намокшие деревья радостно зашумели кронами.

— Так сомневаетесь ли вы, грешники, в силе Луны? — громко возопил Маугли, стараясь перекрыть пугающие волков раскаты грома.

— Нет, не сомневаемся... — провыли ошарашенные волки.

— Ну вот и ладно, — Маугли подставил лицо дождю. — Идите пока по логовам, а завтра — на охоту, что тут расселись! И несите свою добычу Жрецу. И мне, Высшему Жрецу, чтобы луна было милостива к нам. Десятую часть добычи несите.

Волки послушно ушли. Шер-Хан злобно рычал где-то вдали. Маугли подошел к Акеле и устало опустил на землю под широкой кроной дерева, которую не мог пробить даже ливень.

— Хе-хе, хороший ход, хороший, — раздался из кустов голос хитрого шакала Табаки, — я недооценил тебя, человеческий детеныш. Нет, эта кличка тебе уже не подходит, ты уже перерос ее. Я буду теперь звать тебя Сын Человеческий. И буду разносить твоё учение по джунглям, буду твоим апостолом.

— Ты же всегда был против волков, жалкий шакал, — равнодушно заметил утомленный Маугли, не имеющий больше сил даже на то, чтобы разозлиться, — и не ты ли называл меня безволосым щенком? Уходи, а то камень брошу.

— Ну и что, я всем скажу, что у меня было видение, и что сама Луна говорила со мной, и слышал я голос, говоривший мне: Табаки, Табаки, что ты гонишь Меня. И я убедился в истинности твоих слов. Как хорошо придумано! Я тоже хочу быть жрецом. И, пожалуй, я сменю имя. Вы обо мне еще услышите! — голос шакала растаял далеко в джунглях.

Маугли посмотрел на раны Акелы и потрогал его лапу.

— Ничего серьезного. Ерунда, царапины. Через неделю заживет, как на собаке.

— Ну вот только не надо ничего говорить о собаках! — взъерепенился Акела. — Терпеть их не могу. Эти недоволки позорят нас только одним своим видом. Они не принадлежат к Стае, они еще хуже бандерлогов. А ведь некоторые, как ни стыдно, принимают их за волков, хотя собаки даже толком быть по-волчьи не умеют.

— Да, ты прав, конечно, с собаками мы дело иметь не будем. Не достойны псы есть крохи учения с волчьего стола, — уверил Маугли, но, задумавшись, пробормотал под нос: — хотя, если будет от этого выгода...

Лежа на скале и поедая первое принесенное Стаей жертвоприношение, Акела пребывал в прекрасном настроении. Маугли сидел рядом с ним, в тени дерева, задумчиво жуя банан.

— Замечательно, мне давно уже не хотелось охотиться. Это у вас, волков, шкура толстая, да и заживает на вас все, как на... — Маугли поперхнулся и продолжил. — Да и заживает на вас все быстро. А вот я все время бегал, царапался. Зачем? Ведь если правильно все организовать, то и делать ничего не надо. Если тебя, конечно, Луна снабдила мозгами...

— Велика сила Луны! Не зря я вчера два часа был на нее. Она все-таки послала нам дождь и спасла нас. Чудо свершилось! — Акела благодарно посмотрел на небо.

— Чудо, чудо, — презрительно проворчал Маугли, — все чудо в том, что вы, волки, по деревьям не лазаете. Сидите себе в джунглях, как в погребе...

— Что же ты узнал там на дереве, Сын Человеческий, когда залез на него? Неужели ты советовался с бандерлогами?

— Тучи я оттуда увидел, остопоп, тучи!

СИМБИОНТ

Человек в штатском сером костюме, но с военной выправкой, медленно приложил палец к сканеру.

— Доступ разрешен, — хриплый тон давно устаревшей системы допуска заглушил щелчок электронного замка.

Человек поднялся на второй этаж и подошел к знакомой лаборатории секретного института.

— Посетитель чист, — каким-то распевчатым голосом провозгласил компьютер, открывая перед ним дверь.

Профессор Иванов бросился навстречу вошедшему, поправляя толстые очки на переносице.

— Здравствуйте, полковник. Я уж, признаться, заждался. Присаживайтесь, пожалуйста.

— У вас какая-то дополнительная система контроля, о которой я не в курсе? — полковник покосился на дверь лаборатории.

— Пусть это и перестраховка, но, как говорится, бережного и Бог бережет, — суетливый тщедушный профессор, казалось, был сильно взволнован и напуган. — Садитесь, садитесь, сейчас я вам все объясню. Мы, возможно, столкнулись с некой вероятной угрозой. Поэтому я сразу позвонил, вы ведь курируете некоторые наши исследования и должны... Дело в том, что последний год некоторые сотрудники нашего отдела занимались изучением отдельных аспектов аменсализма, в частности влиянием паразитов на паттерны поведения различных животных, в том числе и людей. Вы что-нибудь знаете об этой теме? О влиянии паразитов?

— О том, что вы занимались этой темой, я не в курсе. О самих паразитах мне известны только обычные данные. Как охотник, я не раз наблюдал размножение личинок оводов в лосях, например. Носоглоточный овод в полете выстреливает яйца в носовой проход лосей и оленей, где затем происходит развитие личинок. Некоторые особи бродят как чумные, я даже слышал, как какой-то лось сам искал охотников,

чтобы те его убили. В овцеводстве это, насколько мне известно, постоянное явление, даже поддавший и придремавший чабан, бывает, заражается. Но это я знаю лишь по рассказам и не в курсе относительно результатов специальных работ по этой теме. Разве что несколько лет назад я читал статью об исследовании детей, которым нравился постимпрессионизм. Там говорилось, что некоторые особенности человеческого механизма цветовосприятия якобы могут изменяться под воздействием токсинов, продуцируемых определенными паразитами, и лучший пример этого — популярность импрессиониста Поля Гогена. Но я не воспринял это всерьез.

— И правильно сделали — это была лишь первоапрельская газетная шутка. Тем не менее действительность зачастую задает нам куда более сложные вопросы. Я вкратце введу вас в сферу наших исследований. То, что в животном мире множество паразитов, всем известно. Как и то, что паразиты могут быть и у самих паразитов, а у тех паразитов — свои. На сегодня описана пирамида до четвертого уровня. Но только в последнее время стали проводиться исследования, показывающие целенаправленное влияние паразита на хозяина.

— Мне казалось, что это как раз давно общеизвестно. Насколько я помню, та же бацилла чумы изменяет поведение блохи, блокируя ее желудок и заставляя блоху испытывать голод. А вечно голодная блоха вынуждена усиленно кусать людей, распространяя эти бациллы. Или взять знаменитого червя Медины, из-за которого в средние века европейцы перестали мыться и купаться в водоемах. Он ведь тоже, как я понимаю, влиял на поведение людей — во время периода размножения заставлял человека искать ближайший водоем и опускать в него ноги. Или вам удалось найти более существенные примеры такого влияния?

— В том-то и дело. То, о чем вы говорите — влияние больше физиологическое. Ришта, он же мединский червь, выходя на поверхность кожи, вызывает страшный зуд и, соответственно, желание человека охладить ногу и избавиться от жжения. Тогда червь может прорвать кожу и выйти в воду для отложения яиц. Там механизмы, как и в случае с чумной

блохой, описаны и понятны. Но в последнее время нам становятся известны паразиты, использующие более уникальные подходы, а механизмы, лежащие в основе стратегии контроля и управления «хозяевами», остаются плохо понятыми. Здесь можно упомянуть довольно известную ситуацию с муравьями. Черви, оказавшись в муравье, окрашивают его брюшко в красный цвет, и муравьи становятся похожи на ягоды. Тогда их склевывают птицы. Муравьи гибнут, черви переходят в птиц и увеличивают ареал своего обитания. В этом случае еще неизвестно, на каком уровне идет воздействие, но, по-видимому, не обходится без биохимии — зараженные муравьи становятся медлительными и малоподвижными и при этом часто замирают в позе с поднятым брюшком, как бы приглашая птицу склевать ягодку. Еще сложнее ситуация с кузнечиками *Mesocnema thalassinum*, которых также контролирует червь. Он в период размножения каким-то образом заставляет кузнечиков находить воду и прыгать в нее. После этого червяк плывет на поиски партнера, оставляя своего «хозяина» умирать на дне или идти на корм рыбам. И здесь уже, похоже, речь идет о том, что паразиты каким-то образом управляют поведением насекомого, изменяя функции его нервной системы с помощью молекул, «подражающих» собственным белкам кузнечиков.

— Честно говоря, не вижу особой разницы с мединским червем. Я что-то слышал еще о каких-то других нематодах, первая стадия которых проходит в овцах, вторая — в волках, и были домыслы о том, что они выделяют какой-то фермент, снижающий мозговую активность овцы, та отбивается от стада, увеличивая вероятность того, что ее поймает какой-нибудь волк. В этом есть какой-то смысл?

— Да, но также известны и более шокирующие факты из жизни гусениц, зараженных личинками ос. Создается впечатление, что паразиты способны манипулировать своим хозяином на расстоянии и тем самым повышать свои шансы на выживание. Например, после выхода личинок осы из зараженной гусеницы-пяденицы, последняя продолжает вести себя так, будто личинки до сих пор контролируют ее поведение. Гусеница-зомби не пытается уползти, а остается на месте,

выгибается дугой над коконом и охраняет его от посягательств со стороны. Если вблизи появлялся клоп щитник, который в дикой природе охотится на коконы ос, гусеница начинает трясти головой во все стороны и, в конце концов, стряхивает хищника с ветки. Как это происходит — пока не совсем понятно. Вероятно, несколько отложенных яиц ос жертвуют собой, чтобы помочь выжить всем остальным. Существует и другое мнение, что здесь играет роль вирус, которым оса заражает гусеницу, отключая ее иммунную систему и управляя поведением несчастной. Также загадочно выглядит и ситуация со всем известной божьей коровкой. Если до нее доберется самка наездника, выследив жука по запаху, и уколом яйцеклада отложит в нее яйцо, то со временем божья коровка тоже превратится в зомби. Из яйца вылупится личинка и будет поедать жука изнутри. Потом личинка выйдет наружу и начнет окукливаться прямо под божьей коровкой. Если же удалить кокон, коровка из рода *Hippodamia* в неистовстве бегаёт вокруг и ищет его. Когда жук находит кокон, то садится на него и пытается снова впутать свои ноги в рыхлую шелковую ткань кокона. Затем из куколки появляется молодой наездник и улетает. Жук же и после выхода наездника остается живым — и живет еще больше недели, сидит неподвижно, вцепившись в пустой кокон своего убийцы.

— Ну просто стокгольмский синдром какой-то, — усмехнулся полковник, одновременно почувствовав легкое раздражение от этой лекции — ведь не для того же его срочно вызвали, чтобы рассказывать о жуках. К чему клонит этот профессор?

— Или возьмем плоского глиста, живущего преимущественно в печени баранов. Личинки этого глиста не могут вылупиться из яиц в месте своего проживания. Их ждет целое путешествие. Яйца покидают тело барана вместе с его экскрементами. После периода созревания яйца лопаются, и из них появляются крошечные личинки, которые будут съедены новым хозяином, улиткой. Слизь улитки, похожая на гроздь белых жемчужин, привлекает муравьев, и плоские глисты в этом своеобразном троянском коне попадают в организм

насекомого. Но и в муравье они надолго не задерживаются. Глисты выходят, протыкая в теле муравья тысячи дырочек и делая его похожим на сито. Отверстия они замазывают особым затвердевающим клеем, позволяющим насекомому не погибнуть от этой операции. Личинки знают, что муравья ни в коем случае нельзя убивать, он необходим для последующего воссоединения с бараном. Но как глистам удастся добиться того, чтобы баран, который питается вовсе не насекомыми, съел муравья? Поколения плоских глистов должны были задавать себе этот вопрос. И они нашли выход, распределившись по всему телу муравья. Только один плоский глист поселяется в мозгу муравья, и поведение насекомого меняется. Крошечный, примитивный как инфузория туфелька, глист научился руководить действиями столь высокоорганизованного существа, как муравей. И вот вечером, когда все рабочие муравьи спят, пораженные глистами особи-зомби покидают город и взбираются на верхушки травы. И не какой попало травы, а той, которую любят бараны: люцерны и пастушьей сумки. И в оцепенении ждут, пока их съедят. Баран проглатывает инвазированных муравьев вместе с травой. Этот сложный цикл поставил перед биологами множество проблем. Особенно непонятно, как плоский глист, находящийся в мозгу, может видеть то, что находится снаружи, и приказывать муравью выбирать ту или иную траву? Но главный вопрос — как же так получается, что такие на наш взгляд разумные действия предпринимает существо, заведомо неразумное?

— Профессор, — полковник с нарастающим раздражением демонстративно посмотрел на часы, — вы ведь вызвали меня не для того, чтобы читать лекции о баранах и муравьях. Не пора ли перейти к делу?

— Да, конечно, но мне казалось, что без этой прелюдии то, что я хочу вам сказать, может показаться просто нелепым. Я бы и сам еще недавно не поверил в то, что... Дело в том, что один наш академик год назад высказал мнение о наличии сходных паразитов у человека. Он утверждал, что такие паразиты могут провоцировать не только отдельные социальные всплески, но и формировать нужную им структуру общества.

Мы тогда посмеялись, конечно, над этими утверждениями, и дело заглохло, тем более, что упомянутый академик вскоре погиб в автомобильной аварии, и никто поначалу не продолжил его исследования. Только полгода спустя доктор Комин, разбирая файлы покойного академика, заинтересовался этим вопросом. Он изучал эту тему в свободное от основного задания время, работал в одиночестве, чтобы избежать насмешек коллег. Злые языки, впрочем, утверждали, что он делает сканер для определения наличия паразитов. Поскольку, как я уже сказал, доктор Комин занимался данной темой в свое свободное время, мы закрывали на эту блажь глаза. У каждого свои увлечения и свои странности, в конце концов. Комин был очень увлеченным исследователем. А побочные эффекты от таких работ могут иногда быть важнее основного результата. Вспомните ту же Виагру, например. Или пенициллин, радиоактивность, вулканизированную резину, микроволновые печи... Все эти важные открытия и изобретения — результат побочных случайностей.

— Полагаю, вы хотите сказать, что ваш доктор Комин теперь утверждает, что может изготовить такой сканер? — зло бросил полковник, уже догадываясь, что за долгими рассуждениями о муравьях он услышит просьбу об увеличении финансирования лаборатории для проекта борьбы с новой мировой угрозой. Как уже достали эти научные фрики, пытающиеся выманить из министерств и военных ведомств деньги на их мифические чудо-разработки!

— Он его уже изготовил. Вы проходили через сканер, когда вошли в лабораторию. Я на всякий случай установил его у входа. Правда, сам доктор Комин уже ничего не утверждает — он повесился месяц назад, после того, как испытал этот сканер на себе.

— Действительно, мне докладывали, теперь я вспоминаю его фамилию. Но он ведь был признан сумасшедшим, не так ли?

— Да, внезапное помешательство. Это не вызвало особого удивления — я ведь говорил, что он был человеком со странностями. Он даже записи о своих исследованиях делал в бумажном журнале, а не на компьютере. Три недели назад я забрал

эти его записи для изучения. Поначалу мне показалось, что это записки явного параноика. Он утверждал, что человеком значительно легче управлять, чем бараном. Достаточно, чтобы появилось навязанное паразитом желание — а дальше человек сможет легко подобрать обоснования появления у него этого желания, чтобы избежать когнитивного диссонанса. Психологи называют это рационализацией. С бараном трудней — там надо с инстинктами бороться. Человек же способен для оправдания своего желания придумать сумасшедшие хитрости, а само это желание может вызываться довольно просто биохимически. Комин писал, что ему, якобы, удалось обнаружить биохимические следы деятельности паразитов, как проявление адаптационной реакции организма на хроническую интоксикацию. На основании чего он и сконструировал сканер, который может определять зараженность на самых ранних стадиях, даже когда паразит еще не может управлять человеком в полную силу. Доктор Комин особо отмечал, что это временное решение, так как даже при незначительной удачной для паразитов мутации сканер перестанет действовать и окажется бесполезным.

— А о зеленых человечках ваш Комин ничего не написал? Договаривайте уже. А потом соизвольте объяснить мне, какого черта вы решили, что я должен тратить свое время на изучение писем шизофреника.

— Действительно, далее он писал совсем уж запредельные вещи. Он считал, что в мировой науке намечается кризис, вызванный тем, что паразиты будут стараться сдержать развитие науки, которое представляет для них неприемлемый риск. Люди становятся слишком логичны, изучают причины своих поступков... Для паразитов это опасно. Цель паразитов — лишить человека разума, пока их не обнаружили. Отсюда растут корни диких верований и суеверий, захлестнувших в последнее время как все общество, так и науку в частности, что особенно заметно в России, хотя такая тенденция прослеживается по всему миру. Паразиты объявили науке скрытую войну. Комин считал, что некоторые ученые уже попали под их влияние. На полях своей рукописи он даже отметил,

что Докинз был не совсем прав, говоря об эгоистичном гене. То, о чем он писал — это вовсе не ген человека. Нет, это только гипотеза, конечно, я ее не поддерживаю, но...

— Профессор, с меня достаточно на сегодня. Полагаю, вы также считаете, что чихание — это не функция организма, а всего лишь способ размножения вирусов, — полковник попытался вложить максимум сарказма в свое утверждение. — Ведь вирусы передаются так, воздушно-капельным путем? Без чихания им не размножиться и, соответственно, не выжить. Поэтому-то они и заставляют человека чихать. Вот вам новая теория от меня для разработки!

— И вы тут недалеко от истины... Но постойте, я не сказал еще самого главного. Представьте, что паразитам удастся пробраться на самый верх! — профессор торжественно указал пальцем на потолок. — Это же вопрос государственной безопасности! Если нашим обществом начнут управлять паразиты...

— Скажу откровенно, профессор, — резко прервал собеседника полковник и раздраженно встал с кресла, — я считаю все сказанное вами полнейшим бредом. Фантазии и паранойя — вот кредо ваших так называемых исследований. Объяснять бессмысленные и нелогичные поступки людей можно только их глупостью. Никакие черви и вирусы для этого не нужны. Какие именно черви живут в пешеходах, переходящих трассу над подземным переходом у моего дома? Каждую неделю я вижу там свежий труп. А теперь я еще ясно вижу, на что тратятся немалые казенные деньги. И вы еще смеее говорить мне об упадке науки!

— Вы не понимаете, это гораздо более серьезный вопрос, чем вам показалось. Несколько наших сотрудников уже погибло при странных обстоятельствах...

Тщедушный профессор еще что-то говорил, говорил... Тыкал своими сухонькими ручонками в графики и экраны мониторов. Полковник почувствовал, как дикая ненависть овладевает им. Эти старомодные ученые дармоеды бредят какими-то инопланетными вирусами и хитрыми паразитами, выкачивая последние деньги из обескровленной России

на свои идиотские исследования. Мерзкие корыстные ретрограды. Этому пора положить конец.

— У меня предчувствие, — продолжал лепетать профессор, — что в скором времени на науку начнет всплывать компромат. Будет из неизвестных источников появляться подправленная информация о коррупции и обмане в науке, будет выкладываться выдернутая из контекста личная переписка ученых по научным вопросам, из которой обыватель сделает вывод о том, что за всеми миллиардными политическими и экономическими аферами вроде озоновой дыры или глобального потепления стоят именно ученые. Будет пропагандироваться иррациональное мировоззрение, уничтожаться логика и здравый смысл, восторжествует религия...

Полковник позеленел от злости. Комок ярости подступил к горлу. Эта ничтожная продажная ученая тварь ради своих грантов все готова перевернуть с ног на голову. И это в то время, когда настоящим серьезным ученым, будущему страны — таким великим изобретателям как Петрик, Гаряев, Грабовой, Шипов, и многим другим — не пробиться через окостенелые структуры устаревшей науки. Эти консервативные профессора и академики — враги новой России, враги народа. Их надо остановить. Полковник, уже не отдавая себе отчета в происходящем, выхватил именной пистолет и выстрелил прямо в голову старого ретрограда. Смешно лопнули очки. Мозги болтливого профессора запачкали стену.

Вспышка ярости прошла быстро — симбионт выпустил в кровь токсины, вызывающие эйфорию. Полковник удовлетворенно усмехнулся. Паразит внутри него усмехнуться не мог, он действовал бессознательно, повинуюсь лишь стремлением выжить и распространить свои гены. Это была новая, удачная мутация паразита.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

- *Что сегодня, — спросил я, — морфий или кокаин?*
Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом.
- *Кокаин, — ответил он. — Семипроцентный. Хотите попробовать?*
- *Благодарю покорно! — отрезал я. — Мой организм еще не вполне оправился после афганской кампании. И я не хочу подвергать его лишней нагрузке.*
Холмс улыбнулся моему возмущению.
- *Возможно, вы правы, Уотсон, — сказал он. — И наркотики вредят здоровью. Но зато я открыл, что они удивительно стимулируют умственную деятельность и проясняют сознание. Так что их побочным действием можно пренебречь.*
- *Но подумайте, — горячо воскликнул я, — какую цену вы за это платите! Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губительный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и в конце концов к слабоумию. Вы ведь очень хорошо знаете, какая потом наступает реакция. Нет, Холмс, право же, игра не стоит свеч! Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким природа наделила вас? Поймите, я говорю с вами не просто как приятель, а как врач, отвечающий за здоровье своего пациента.*
Шерлок Холмс не обиделся. Наоборот, наш разговор, казалось, развлекал его.
- *Мой мозг, — сказал он, опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев, — бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду*

про искусственные стимуляторы... Я не могу жить без напряженной умственной работы. Исчезает цель жизни. Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадежен мир! Посмотрите, как желтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома.

(Конан Дойл. Знак четырех)

— Вы просто хандрите, Холмс. Мы живем в такое прекрасное время, не в средневековье какое-нибудь, а вы вместо того, чтобы радоваться жизни, весеннему солнцу...

— Помилуйте, Уотсон, как вы умудрились разглядеть солнце сквозь этот смог? — Холмс встал и подошел к окну. — Даже трудно понять, день сейчас или вечер. Что же до кокаина, то я сейчас пишу монографию для Королевского химического общества о воздействии различных веществ на поведение людей, так что мне в самый раз испробовать на себе некоторые из них... Постойте! Да ведь это старина Лестрейд там внизу. И у него сегодня был тяжелый день. А если учесть, сколько он вчера проиграл в покер, то...

— Ну вот, кажется, вашему безделью пришел конец? Я рад, что судьба послала вам очередную загадку, а то доиграетесь так до кокаинового паралича на фоне выраженного слабоумия, бреда величия и отсутствия критичности.

— А что, уже заметно, Уотсон? — обиженным тоном спросил Холмс.

— Нет, мой друг, но если вы не перестанете колотиться, то можете не сомневаться, что...

— К вам инспектор Лестрейд из Скотланд-Ярда, мистер Холмс, — раздался за дверью голос миссис Хадсон.

— Доброе утро, мистер Холмс, — торопливо проговорил Лестрейд, входя в комнату. — Хорошо, что я вас застал. Скажите, пожалуйста, вы сейчас не очень заняты?

— Занят, дорогой Лестрейд, но с удовольствием послушаю вас, — быстро ответил Холмс, неуклюже пряча за кресло шприц с кокаином. — Что привело вас к нам? Какое-нибудь необычное преступление?

— Убийство... Еще одно убийство! Его надо остановить!

— Господи! — воскликнул Холмс. — Что там такое случилось? Джек Потрошитель опять нанес удар?

— Значит, вы тоже занимаетесь этим делом, мистер Холмс? Прекрасно, я так и надеялся. Может, вы уже знаете, кто убийца?

— Нет, не занимаюсь. Просто газета с заголовком «Джек Потрошитель опять нанес удар» торчит у вас из кармана. Кто такой этот Джек Потрошитель?

— Как, вы не знаете того, о ком все газеты трубят еще с прошлого года?

— Слышал, что по городу бегал какой-то мясник, перерезающий женщинам горло, затем вырезающий у них почки и поедаящий их. Но что может быть в этом интересного для моего интеллектуального ума? Я думал, полиция уже давно напала на его след.

— Нет, мистер Холмс, у нас не было почти никаких следов. И это не мясник — наши врачи приписывают ему некоторую осведомленность в вопросах анатомии и навыки хирурга. Доктор Филлипс, проводивший вскрытие прошлой жертвы, утверждал, что ему самому понадобилось бы минимум полчаса в спокойной обстановке для того, чтобы произвести подобное извлечение органов, в то время как убийце хватило всего пятнадцать минут. Один раз свидетели видели неподалеку от очередной жертвы мужчину с саквояжем в руках. Его чуть-чуть не поймали на месте преступления. Он был среднего роста, крепкого сложения, с широким лицом, толстой шеей и усами.

— И что же, теперь у вас все хирурги с усами на подозрении? Приметы не слишком определенные. Вполне подойдут хотя бы к Уотсону.

— Правда, подойдут, — нахмурился инспектор. — Точь-в-точь Уотсон. Кстати, доктор, а где ваш саквояж? Да и вообще, что вы здесь делаете, разве вы еще не переехали в Кенсингтон?

— Оставьте, Лестрейд! — вскричал Холмс. — Шуток не понимаете. Расскажите лучше про последнюю жертву. Что вас так взволновало? Убийца на этот раз съел почку неподжаренной?

— Холмс! — возмутился Лестрейд. — Не могли бы вы воздержаться от вашего неуместного черного юмора? Где это видано,

чтобы почки ели сырыми? Вы считаете, что в Лондоне живут папуасы какие-нибудь? Джек Потрошитель писал в своих письмах в газеты, что ест почки только хорошо прожаренными. К тому же на этот раз у жертвы вообще ничего не вырезано.

— Может, тогда Потрошитель здесь не причем, просто досужие газетчики склонны видеть его за каждым преступлением?

— Возможно, мистер Холмс, возможно. Мне вообще подозрительно, что все эти убийства начались сразу после августовской премьеры Роберта Льюиса Стивенсона о докторе Джекиле и мистере Хайде. Опасная пьеса, я вам скажу. В ней благородный доктор Джекил, джентльмен и образцовый гражданин, по ночам превращается в страшное чудовище Хайда, несущего зло всем окружающим. Неспроста это. И, кстати, заметьте, он тоже доктор! — Лестрейд еще раз подозрительно посмотрел на меня. — Но главное, что на этот раз рядом с телами жертв был задержан молодой человек...

— Что же вы сразу не сказали, инспектор, что уже задержали подозреваемого? — разочарованно заметил Холмс.

— Этот молодой человек оказался известным светским львом, завсегдатаем лучших лондонских клубов. Сэр Александр Холдер из банкирского дома «Холдер и Стивенсон» на Тренидл-стрит. Мне кажется неразумным подозревать его в этих убийствах. Однако он ничего не смог сказать о том, что случилось, и о том, как он оказался в этом месте. У него странные провалы в памяти. Мы выяснили, что жертву звали Дэнил Хармс, она работала на свинцовой фабрике неподалеку. Местный констебль обнаружил ее тело у лестницы за углом здания. Рядом с убитой девушкой стоял сэр Александр, и руки его были в крови. Но самое интересное... — Лестрейд выдержал наигранную театральную паузу и продолжил торжествующе. — В своих дрожащих окровавленных руках этот молодой человек держал записку с вашим именем и адресом, мистер Холмс!

Через час мы были на месте преступления на Брикстон-роуд. Местный констебль, обнаруживший накануне тело жертвы, сообщил нам, что никого подозрительного, кроме сэра Александра, поблизости не заметил, только минут за десять

до того мимо него прошел в доску пьяный хромой русский. Лестрейд носился кругами, как ищейка и говорил с зеваками, собравшимися вокруг.

— Я понимал, что раз новость уже попала в утренние газеты, то все следы еще вчера были затоптаны словно стадом буйволов, — Холмс раздраженно посмотрел на толпившихся у дома полицейских, — хотя Лестрейд и говорит, что констебли дежурили здесь всю ночь и никого не подпускали. Пойдемте, Уотсон, пройдемся немного вверх по этой дороге.

Мы отошли еще метров на тридцать, но единственное, что нам удалось обнаружить — это два полных коробка спичек и бутылку из-под виски. Холмс продолжал высматривать что-то в кустах, и в этот момент я заметил странные следы в придорожной грязи. Эти следы был отпечатками тяжелого, грубого башмака с широкой металлической подковой. А рядом на земле был виден еще один странный круглый отпечаток.

— Взгляните-ка сюда, Холмс! Здесь был человек на деревянной ноге! — воскликнул я. — Я как раз о таком пишу в своей новой книге. Наверное, я медиум и провидец? Это же не может быть случайностью! А вот и еще какие-то странные маленькие, почти нечеловеческие следы рядом. Наверняка их оставил пигмей-карлик с духовой трубкой с отравленными шипами!

Холмс посмотрел на меня с нескрываемым сочувствием и остановил проезжающий кэб.

— По-моему, вам пора вернуться домой и пообедать, — сказал он, открывая дверцу. — А то вы, Уотсон, на голодный желудок и не такого напридумываете. А я проверю еще кое-что и вернусь домой через пару часов.

Спустя три часа мы с Холмсом сидели и ждали, когда миссис Хадсон подаст обед. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках хорошую толстую палку с набалдашником, забытую посетителем, который не застал днем Холмса. Чуть ниже набалдашника на палке было врезано серебряное кольцо шириной около дюйма. На кольце было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч.К.Х.О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884».

В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надежными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? — спросил Холмс, не оборачиваясь. — Попробуйте применить мой метод дедукции.

— Я бы сказал, что эта палка принадлежит Джеймсу Мортимеру, члену Королевского хирургического общества с 1882 года, бывшему консультанту Черингкросской лечебницы. Это палку ему подарили тамошние друзья ко дню свадьбы. Полагаю, он ушел из лечебницы пять лет назад, а ныне работает сельским врачом. Ему около тридцати лет, нечестотливый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, курчавого спаниеля.

— Но как, Уотсон?! Даже я не смог разглядеть в этой палке таких подробностей.

— Элементарно, Холмс. Я проговорил с доктором Мортимером добрый час, пока вы отсутствовали. К сожалению, он не смог дожждаться вашего возвращения, поскольку очень торопился вернуться в больницу, даже палку впопыхах забыл. В больнице лежит его пациент, сэр Чарльз Баскервиль. Это именно ему принадлежит записка с вашим адресом в руках у вероятного убийцы этой несчастной девушки.

— Ну что ж, вы поймали меня, Уотсон. Расскажите же его историю.

— Хорошо, Холмс, попробую пересказать кратко. Сэру Чарльзу Баскервилю последнее время стали мерещиться нападающие на него огромные собаки. Это связано то ли с тем, что в детстве его до смерти испугал какой-то пес, то ли со страшным семейным преданием о демонической собаке, ужасной, как исчадие ада, которая растерзала его предков. И эта собака придет за ним, как следует из семейного проклятия. Доктор Мортимер повез сэра Чарльза в свою бывшую клинику, чтобы он там прошел дорогой курс лечения нервов с помощью пиявок. Но сэр Чарльз тем временем уверял его, что здоров, и хотел поговорить с частным сыщиком, потому что подозревал, что какой-то ловец бабочек плетет заговор с целью завладеть его наследством. На мой взгляд,

у него явное нервное расстройство. Доктор Мортимер сам дал ему наш адрес и ваше имя, Холмс. Сэр Чарльз собирался посетить нас на днях, но не успел. Вчера, когда они вдвоем ужинали в кабаке на Брикстон-роуд, сэр Чарльз вышел купить табак в ближайшей лавке. Спустя минуту Доктор Мортимер услышал его дикий крик, а спустя несколько секунд еще один ужасный вопль, но уже женский. Мортимер выбежал на темную улицу, еле освещенную тусклым светом далекого газового фонаря, и увидел, что сэр Чарльз лежит без чувств на дороге. Больше он ничего подозрительного не заметил. На удачу мимо проезжал кэб, и доктор Мортимер отвез сэра Чарльза в больницу, где тот пока и пребывает в бессознательном состоянии. Причину происшествия доктор Мортимер не знает, но, кажется, уже сам начал верить в посланную дьяволом собаку.

— Ну, тогда это дело выеденного яйца не стоит, все предельно ясно. Завтра с утра я расскажу вам, что там произошло, — самонадеянно заявил Холмс.

На следующее утро Холмс был мрачен и молчалив. Он повернулся спиной ко мне и безучастно смотрел в окно. Только после завтрака, когда я сидел у камина и курил свою трубку, Холмс внезапно произнес:

— Да, Уотсон, спички — это полезное изобретение цивилизации. Если бы ваш брат пользовался спичками, а не заводил свои часы в темноте, то царапин на них было бы меньше.

— Но как, Холмс? Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас действительно глаза на затылке! — я был поражен. — Я знаю, что обычно вы любите подглядывать за мной в начищенный серебряный кофейник, но сегодня с утра я специально расплескал на него кофе, чтобы лишить вас этой возможности! Хотел посмотреть, как вы выкрутитесь. А вы все равно знаете, о чем я думаю.

— Это же очень просто, Уотсон. Газовый рожок за окном настолько закоптил стекло, что в нем, как в зеркале, отражался огонек спички, когда вы раскуривали свою трубку. И эту спичку вы потушили не сразу, сначала поднесли ее к глазам и смотрели на то, как она горит, добрых одиннадцать секунд. А потом вы сразу зашуршали газетой. Единственная

газета, которая лежала рядом с вами — это старая «Таймс» с большой статьей о Джеке Потрошителе, которую вы читали до завтрака. Что же заставило вас вернуться к ней? Только то, что ниже в газете напечатана статья о забастовке работников спичечной фабрики. Вы, прикуривая, засмотрелись на спичку и вспомнили, что спичечники протестовали против того, что они умирают от отравления фосфором, и решили взглянуть, чем закончилась забастовка. Потом вы задумались о смысле жизни, о неотвратимости смерти, достали из кармана часы вашего покойного брата и попытались их завести. Знаете, Уотсон, я как-то давно написал монографию об определении марок часов по звукам их открывающихся крышек, и могу сказать, что часы у вашего несчастного брата действительно дорогие. Жаль, конечно, что он был человек настолько беспорядочный, легкомысленный и неаккуратный, что промотал все свое приличное состояние, спился и умер.

Расстроенный, я вскочил со стула и, хромя, зашагал по комнате.

— Это, Холмс, в высшей степени некрасиво с вашей стороны. Во-первых, вы вводите меня в заблуждение: газовые рожки не коптят, а грязь на стекле осталась от последнего пожара. Во-вторых, вы каким-то образом проведали о судьбе моего несчастного брата, а теперь делаете вид, что вам это стало известно каким-то чудом только сейчас. Я никогда не поверю, что все это рассказал вам звук каких-то старых часов! Это жестоко и, уж если на то пошло, отдает шарлатанством!

— Мой дорогой Уотсон, — сказал мягко Холмс, — простите меня, ради Бога. Решая эту задачу, я забыл, как близко она вас касается, и не подумал, что упоминание о вашем брате будет тяжело для вас. Но, уверяю вас, я ничего не знал о существовании вашего брата до той минуты, пока вы мне сами не показали черновые наброски вашей новой повести «Знак четырех», которую вы собираетесь издать в следующем году. Я проглядел ее очень быстро, но прекрасно помню, что у вас там подробно расписан этот злосчастный эпизод с часами и вашим братом.

— Разве я показывал вам черновик? Простите, Холмс, я совершенно забыл об этом. Старею, наверное, становлюсь рассеянным. Вчера, например, вообще вышел из дома без шляпы.

— Браво, Уотсон! Ну, конечно же, вы правы, дело в шляпе. Как только я сам раньше не догадался!

— Холмс, вы уже знаете, кто убийца?

— Конечно, знаю, — сказал Холмс. — Только, к сожалению, его невозможно арестовать. Как сообщил Лестрейд, эта девушка, Дэниел Хармс, работала на свинцовой фабрике. Что вы знаете о свинцовом производстве, милейший Уотсон?

— Ну что вам сказать, — задумался я. — Сейчас известно, что свинец в любой форме, даже в бесконечно малых дозах, постепенно собирается в организме человека, после чего обнаруживаются серьезные проблемы со здоровьем, первыми признаками из которых являются колики. Практически все работники на свинцовых фабриках выглядят очень бледными. Этот недостаток крови, а также голубая линия около зубов на деснах являются показателем серьезности заболевания. Следующая ступень — это паралич запястий рук, за которым следует стадия, начинающаяся с жалоб на головную боль с припадками и потерей сознания. Смерть в таких случаях наступает через три дня. Если же человек приходит в сознание, то часто остается слепым. Особенно поражает эта болезнь молодых девушек от 18 до 24 лет.

— Прекрасно, Уотсон, прекрасно. Нашей девушке было как раз двадцать лет. Вы только что подтвердили мою мысль, что ее никто не убивал. Просто у нее случился припадок от отравления свинцом, спровоцированный услышанными ею дикими криками. Девушка свалилась с лестницы и сломала себе шею. Жаль ее, конечно, но, как вы говорите, она все равно умерла бы через три дня.

— О каких диких криках вы говорите, Холмс?

— О криках сэра Чарльза Баскервиля, конечно. Его жутко испугал этот одноногий спичечник. Вы ведь уже поняли, что это мог быть только работник спичечной фабрики? Кто еще будет носить в кармане сразу два коробка спичек! Только тот, кто украл их на производстве. А вот почему сэр Чарльз

так его испугался — это, скорее, вопрос вам, дорогой Уотсон. Вы только что прочитали статью о забастовке спичечников и наверняка заметили в ней упоминание об одном из печальных образов Ист-Энда — «phossy jaw». Полагаю, как врач вы можете мне рассказать поподробней об этом эффекте.

— Да, Холмс, «фосфорная челюсть» — это давно известная проблема. Работа на спичечных фабриках, пожалуй, еще хуже, чем на свинцовых. Рабочие по 14 часов в день окунают деревянные палочки в раствор фосфора и серы, налитый в лотки. За мизерную, кстати, оплату в пять шиллингов в неделю. В крошечных комнатах без окон и вентиляции рабочие проводят целый день, дыша испарениями фосфора. Здесь состав смешивают и нагревают, и здесь же готовые спички сохнут перед их раскладыванием по коробочкам. Работа несложная, но уже через несколько лет у бедняг начинаются мучительные зубные боли, распухают десны и челюсти. Единственный способ прекратить мучения хоть на какое-то время — это выдергивание всех зубов. Если же человек продолжает работать на этом вредном производстве — а в большинстве случаев у них нет выбора — то испарения фосфора проникают в костную ткань, и у бедолаги начинает светиться в темноте челюсть, а порою также и другие кости. Не случайно районы, где живут спичечники, называют трущобами светящихся скелетов. Редко кто из них доживает до сорока лет. Одежду они не меняют, и она тоже светится от фосфорной пыли. Отравление также вызывает серьезные повреждения мозга, галлюцинаторно-бредовые состояния или кататонический ступор. Если организм крепкий, и остается надежда, что болезнь не охватила все ткани, то единственный способ избавиться от мучительных болей — это удаление зараженной челюсти. Сложно, конечно, выдержать такую операцию без анестезии, но все же иногда...

— Прекрасно, Уотсон, теперь все встает на свои места! Ведь сэр Чарльз Баскервиль, как мы теперь знаем, больше всего на свете боялся большой собаки. Хороший, кстати, сюжет для какой-нибудь вашей будущей повести. Уверен, что вы там многое присочините для красного словца, но само происшествие заслуживает...

— Собаки, Холмс. Он боялся собаки, а не светящегося скелета!

— Конечно, собаки, но ведь мы нашли пустую бутылку из-под виски в кустах. Да и спичечные коробки так просто из кармана не вываливаются. Совершенно очевидно, что наш одноногий голландец, работник спичечной фабрики, был смертельно пьян и полз на четвереньках, светясь в темноте. Сэр Чарльз принял его за дьявольскую собаку, и у него произошел сердечный приступ. Он упал и из последних сил пополз к дому, из которого на крик выскочил Александр Холдер. Чарльз Баскервиль протянул ему записку с нашим адресом и потерял сознание. Сэр Александр бросился к перекрестку, чтобы позвать полисмена, но сразу за углом наткнулся на лежащую Дэниел Хармс. Он попытался приподнять ее и запачкал свои руки в крови. После этого у него произошел нервный срыв, а подоспевший на крики доктор Мортимер не увидел второй трагедии за углом дома и быстро увез сэра Чарльза в больницу.

— Холмс, но это все как-то слишком неправдоподобно! И почему голландец?

— Констебль принял его за русского, но на самом деле тот не ругался матом, как ему показалось, а лишь пожелал полицейскому доброй ночи, «хуйе нах» на голландском. Иногда судьба демонстрирует нам воистину черный юмор, дорогой Уотсон. Возьмите, к примеру, второго в мире после меня по известности сыщика Аллана Пинкертон. Какие сложные дела он раскрывал! Даже один раз сумел предотвратить покушение на президента Линкольна. В следующий раз Пинкертон рядом не оказалось, и Линкольна все же убили. А сам Пинкертон умер пять лет назад от гангрены, после того как прикусил свой язык, споткнувшись на тротуаре. Не меньшая нелепость и прихоть загадочной судьбы, как и в нашем случае с этой несчастной девушкой, сэром Чарльзом, пьяным спичечником и сэром Александром. Или вы все же полагаете, что мы здесь имеем дело с мировой закулисой или с хитрым планом профессора Мориарти?

— Но почему же этот молодой человек до сих пор ничего не вспомнил из случившегося?

— У меня есть мысли по этому поводу, но мне и в этом случае не обойтись без вашей подсказки. — Холмс показал мне газету с фотографией Александра Холдера на королевском приеме. — Интересная у него шляпа, Уотсон, вы не находите? Возможно, вы знаете происхождение нашей поговорки «as mad as a hatter»?

— Безумный как шляпник? Да, конечно, знаю, — здесь я также мог помочь Холмсу, поскольку давно слышал эту историю. — Это старая поговорка, даже Льюис Кэрролл вывел такого сумасшедшего шляпника в своей книге о приключениях Алисы еще четверть века назад. Он списан с совершенно реальных персонажей — работников фабрик войлочных изделий. Здесь дело в ртути. Использовать ее при изготовлении фетровых шляп у нас в Англии стали только с прошлого столетия, но во Франции — гораздо раньше. И если в Турции издавна при изготовлении войлока использовали верблюжью мочу, чтобы волокна войлока становились мягче, легче и быстрее сбивались, то во Франции в связи с дефицитом верблюдов мастера стали использовать мочу собственную. При этом со временем обнаружилось, что особенно удачной оказалась струя одного конкретного рабочего. Именно те фетровые шляпы, на который мочился этот шляпник, пользовались особым спросом у королевских мушкетеров. Шляпники долго гадали, в чем секрет, а в результате оказалось, что трудяга болен сифилисом. Как показала дальнейшая проверка, дело, тем не менее, было не непосредственно в этом — добрая половина рабочих были сифилитиками. Но выяснилось, что именно этот рабочий лечился от сифилиса ртутью, которая попадала в его мочу. Так в результате и догадались использовать нагретый нитрат ртути при производстве шляп. Только в 1685 году, когда французские гугеноты были вынуждены покинуть свою родину, они привезли этот «le secrétage» в Англию. Но ртуть ядовита, и с тех пор работники фабрик страдают токсическим психозом. Также для них характерны чрезмерное слюноотделение и потеря зубов. А недавно русский психиатр Корсаков читал лекции о том, что отравление ртутью может вызвать фиксационную амнезию, то есть невозможность

запоминать текущие события при более или менее сохранной памяти на прошлое. В связи с этим возникает дезориентировка в пространстве, времени и окружающей действительности.

— Отлично, Уотсон! Чтобы я без вас делал? Это объясняет, почему молодой сэр Холдер не смог вспомнить, что произошло.

— Но ведь Александр Холдер никак не шляпник, он из очень богатой семьи, наследник огромного состояния, его имя не сходит со страниц газет!

— А еще он пижон и законодатель мод. Как раз об этом очень любят упоминать газеты в разделах светской хроники. Меняет шляпы чуть ли не каждую неделю. Ртуть просто не успевала выветриться из каждой его новой шляпы, и он хронически отравлялся ее парами.

— Да, вот вам и богатый материал к вашей химической монографии, Холмс, — подытожил я, наливая себе стакан крепкого джина. — Действительно, вещества сильно влияют на людей.

— Еще как влияют, Уотсон, — кивнул Шерлок Холмс, вынул из аккуратного сафьянового несессера шприц для подкожных инъекций и завернул манжет левого рукава. — Передайте мне, пожалуйста, вон тот пузырек с кокаином, что стоит на камине.

САД

Утро выдалось на редкость прохладным. Старик, завернувшись в плед и поеживаясь от легкого бриза с моря, разглядывал Инкубатор. Он разогнал облака и немного повысил светимость солнца. Зеленое море деревьев радостно зашумело кронами, приветствуя Создателя. Старик наклонился и присмотрелся к Саду внимательнее. Это был его ежедневный ритуал, но сегодня обычная радость при виде Сада была омрачена открывшимся его взору пейзажем. В этот раз он не смог сказать себе привычное: «это хорошо». Тревога овладела его сердцем. Да, больше уже нельзя скрывать от себя очевидное. Что-то опять пошло не так. Несмотря на все предпринятые меры, паразиты вновь быстро размножались, захватывая все больше пространства. Сад умирал.

— Что случилось, папа?

Старик вздрогнул от неожиданности и, полуобернувшись к сыну, вяло взмахнул рукой.

— Не ожидал увидеть тебя здесь в такую рань. Но это хорошо, что ты пришел. Я очень расстроен тем, что увидел сейчас и, похоже, мне понадобится твоя помощь. Сад не такой, каким он был раньше. Подойди, я должен показать тебе.

Сын был удивлен. Раньше отец даже не позволял ему приближаться к Инкубатору. Значит, действительно, случилось что-то серьезное. До этого момента весь этот Сад — любимая игрушка отца — мало занимал его. Он считал это чудачеством. Хотя, кто знает, чем ему самому захочется заняться на старости? Может быть, его хобби будет выглядеть еще более нелепо. Никто не вправе судить старших.

— Я знаю, что ты всегда мало интересовался Садам, — сказал старик, заметив замешательство сына. — И я старался не подогревать твой интерес, чтобы не повторилась печальная история, как с твоим старшим братом. Хотя ты всегда был послушным ребенком, не то, что он. А ведь теперь мой Сад

умирает именно из-за него. Твой братец постарался все испортить. Дал им разум. Зачем? Зачем он влез в мой Сад?

— Все же, папа, я до сих пор думаю, что ты был не совсем прав, изгнав его из дома за такую мелкую провинность. Ведь это была всего лишь детская шалость, он всегда был таким озорником...

— Не смей говорить так! — отец даже покраснел от гнева. — Непослушание — это страшный порок! Я создавал этот Сад много лет, и он доставлял мне радость.

— Ну ладно, ладно, — примирительно сказал сын. — Это дела давно минувших дней, я не хочу об этом спорить. Скажи лучше, что у тебя за проблемы с Садам?

— Они слишком быстро размножаются. Их некому остановить. Изначально было задумано, что у каждого вида есть свой враг. Как только волков становится много, а овец мало, волки умирают от голода...

— Папа, я не очень понимаю, о чем ты говоришь, я не знаю, что такое волки и овцы, — терпеливо сказал сын. — Если тебе нужна моя помощь, то ты должен рассказать мне о Саде подробнее.

— Да, ты прав. Я же никогда не рассказывал тебе деталей. Тогда слушай. Я всегда хотел добиться в Саду самой совершенной Красоты и Гармонии. А это не так просто, как кажется. Поначалу все шло удачно, Сад развивался, наполнялся разными видами растений и животных, которых я сотворял для него, и я давал этим своим творениям названия и имена...

Отец долго рассказывал сыну об опыте создания биосферы, об эволюции биосистем, о необходимости симбиоза биологических видов, об автоматическом регулировании численности их популяций. Сын слушал с интересом. Он запоминал названия разных форм жизни и их сферу деятельности. Оказывается, этот Сад куда более забавная игрушка, чем ему представлялось. Хотя и абсолютно бесполезная.

Как рассказал отец, проблемы начались тогда, когда он решил отойти от стандартного автоматического алгоритма развития системы и захотел создать Садовников, чтобы увеличить гармонию в Саду. Само по себе это не привело бы

к трагедии, если бы не шутка старшего сына, который любил наблюдать за Садом и, несмотря на строгий запрет отца, вмешался в работу саморегулирующейся системы. Садовникам, по замыслу отца, предназначалось довести стихийную красоту Сада до совершенства. Но для этого они должны были быть способны к минимальной рассудочной деятельности и обладать чувством гармонии и красоты.

Тогда отец и сотворил в Саду Древо Познания, плодами которого собирался выкормить новый, еще не законченный, вид бобров. Эти будущие Садовники уничтожали бы засохшие деревья и строили оросительные системы для Сада. Отец уже представлял себе, как гармонично смотрелись бы многочисленные запруды, покрытые коврами великолепных лилий. Как по зеленым берегам этих запруд, окаймленных желтыми кувшинками, селились бы грациозные цапли, а воздух наполнялся трелями соловьев. Но старший сын нарушил запрет отца, создал свою проекцию для посещения Инкубатора, пробрался в Сад и бездумно скормил все плоды древа познания одной из тупиковых ветвей приматов.

— Вот тогда я и выгнал его из дома, — продолжал отец, — ибо нет на свете греха большего, чем ослушаться отца. Надо же было ему додуматься дать силу разума этим недообезьянам! А затем в Сад пришла беда... Нет, не сразу — поначалу я смирился с обстоятельствами. Эти новые существа, с виду даже немного похожие на нас — такая уж ирония — были довольно забавны. И поначалу они не нарушали гармонию. Я не сразу осознал всю глубину опасности. С умилением я наблюдал, как они делают какие-то изображения из отмерших деревьев и зачем-то пляшут вокруг них. Я заинтересовался и выяснил, что таким странным способом они поклоняются мне. Да, они интуитивно чувствовали своего Создателя. Я решил упорядочить их поклонение, сотворил свой собственный образ в Саду, явился туда и попытался воззвать к их разуму, раз уж он волею судьбы у них оказался. Я пытался научить паразитов жить правильно. Сначала я пытался внушить этим тварям, что ради них же самих надо заботиться о растениях и животных. Что нельзя бессмысленно убивать зверей и сжигать леса

во время их загонных охот. На какое-то время мне это удалось. Они даже начали поклоняться деревьям. Потом я был сильно тронут тем, что они строят для меня столь забавные и симпатичные пирамиды. Они наделяли меня всякими смешными именами и зачем-то убивали разных животных в мою честь. А потом они стали быстро размножаться, расселяться по всему Саду, и — самое страшное — губить сам Сад. Они срубали деревья и засеивали пашни некрасивыми сорняками, служившими им пищей. К этому моменту они уже победили всех своих естественных природных врагов, и ничто не могло сдержать их распространение. Они расплозились по всему Саду и образовали свои колонии. Я назвал эти сообщества народами. Вот только тогда я и спохватился. Я пришел в Сад и пытался проповедовать им любовь ко всему живому. Меня мало кто послушал. Тогда я решил провести селекцию, попробовал утопить большую часть популяции. Но селекцией здесь было не обойтись, отбирать было не из чего — эти твари испорчены изначально, спасибо твоему братику. Выжившие особи стали размножаться еще быстрее, чем раньше. А сколько красивых видов других моих творений было уничтожено во время потопа! Вреда Саду получилось еще больше, чем пользы. Я пытался насылать на них мор, но опять гибли также и другие виды, в создание которых я вложил столько сил. Баланс был нарушен. Последний раз я явился в Сад и дал им строгие заповеди послушания, пригрозив жестокими наказаниями ослушникам. Я внушал паразитам нетерпимость к нарушающим эти заповеди. Некоторые из них поверили мне. Но теперь я вижу, что обращаться к их несовершенному разуму было бесполезно. Все мои усилия так и не решили проблемы. Они продолжают уничтожать Сад.

— Но, может, этот самый разум со временем все же поможет им осознать опасность и принять меры? — задумчиво спросил сын.

— Нет, они обладают разумом слишком низкого уровня. Практически нет шансов на его саморазвитие.

— Ну а если искусственно сильно повысить уровень их разума?

— Что? Чтобы они стали подобными нам?! Ну уж нет, только этого не хватало!

— Но почему бы тебе тогда просто не сотворить более совершенный вид, который смог бы совладать с этими существами?

— Слишком поздно. Чтобы взять вверх над ними, этот вид тоже должен обладать разумом. Я попал в заколдованный круг. Если я сотворю такой вид, который уничтожит этих паразитов, то потом этот вид сам станет новой угрозой, и придется создавать еще более агрессивный вид... И так без конца. Сад в любом случае погибнет.

Старик в волнении прошелся по веранде и вдруг, внезапно остановившись, повернулся к сыну. Лицо его озарилось надеждой.

— Кажется, есть один выход. Я не совсем правильно сказал, что у этого вида уже нет врагов. У них все еще есть очень опасный враг — они сами. Агрессия — вот главная черта этого вида. Они убивают друг друга без всякой необходимости.

— Зачем они это делают? — удивился сын. — Откуда у них такая агрессивность, если у них даже не осталось природных врагов?

— Я же говорю, это паразиты. Нельзя им было давать разум. Братец твой все испортил, а ты его еще защищаешь. Без разума они были бы обречены и исчезли бы в процессе естественной эволюции. Посмотри сам, наконец. Подойди, взгляни на них повнимательнее.

Сын подошел к Инкубатору и долго вглядывался в Сад. Заинтересованное выражение его лица постепенно сменялось отвращением.

— Да, — брезгливо сказал он наконец. — Ну и мерзость же получилась...

— Их агрессивность — наш шанс, — продолжил отец, окрыленный идеей. — Нам надо использовать эту единственную возможность их уничтожить. Создать условия, которые вызовут в колониях паразитов внутреннюю деструкцию. Надо заразить их ненавистью друг к другу. Пусть они самиотрегулируют свою численность с ее помощью. А, может быть, даже изведут себя совсем. Так как в этом виде осталось много атавизмов

от предыдущих образцов, на этом и сыграем. Вытащим на поверхность их инстинкты. Их примитивный разум надо дезориентировать. Надо глобально перенаправить их инстинкт поклонения, создать им новую религию. А я пытался уничтожить их вирусами. Какая ошибка! Раз у них есть это жалкое подобие разума, то лучшим вирусом будет Слово. Надо заразить их Истинной Верой, за которую они будут убивать друг друга. Пусть они сами уничтожат себя, пусть развяжут религиозные войны и будут убивать всех тех, кто думает, не как они. А думать они все будут по-разному, если преподнести эту религию правильно. Тогда один народ во имя веры будет уничтожать другой, думая, что только они трактуют эту веру истинно. Пусть они в каждом народе ищут внутренних врагов и жестоко расправляются с ними.

— А разве ты еще не пытался заразить их подобной жесткой религией, папа? Ты же сам, вроде, говорил о строгих заповедях...

— Пытался... — подтвердил, вздохнув, старик. — Но я пошел по неправильному пути. Религия у меня получилась достаточно агрессивная, но действовала слишком локально. Зря я выбрал только один народ для этого. Они не стали распространять свою веру, сделали эту религию своим личным культом. Это была моя ошибка. Я должен был понять, что и тогда, и раньше, паразиты воспринимали меня в разных ипостасях, и поклонение мне лишь придавало им сил для борьбы друг с другом. Но не было поводом для этой борьбы само по себе. Они воевали за землю, за пищу, за ресурсы, за реализацию своих низменных инстинктов, а мой образ просто служил им воображаемой защитой. Нам нужна другая религия — такая, которую примут все народы. И главное — в этой религии нужно избегать четких положений. Чем расплывчатей она будет, тем больше они будут спорить и убивать друг друга за «неправильное понимание». Я бы и сам мог рискнуть еще раз, но я уже слишком стар, и я просто боюсь опять ошибиться. А для тебя это будет интересный опыт. Сынок, тебе предстоит небольшое путешествие. Посмотрим, сможешь ли ты переиграть своего брата. Отнять у них разум.

— Любопытно. Что ж, я готов попробовать.

— Ну вот и хорошо. Завтра я сотворю твою проекцию в Саду. Только помни — проповедуй паразитам как можно больше неопределенности, пусть каждый понимает по-своему. Только так мы сможем вывести этот вид на необходимый уровень самодеструкции.

— Завтра же отправлюсь туда, папа. Это мне даже будет забавно.

— Ну вот и замечательно, сынок. Сам понимаешь, сколько времени я посвятил этому Саду. Одна радость в старости осталась. А тут вот эти...

Старик зажмурился и представил, как будет выглядеть Сад без этих расплодившихся паразитов. И увидел он, что это хорошо.

КВАНТОВЫЙ КОТ

После возникновения материальных структур вторым чудом природы стала жизнь, которую Эрвин Шредингер называет «самым прекрасным шедевром, когда-либо достигнутым по линии Господней квантовой механики.

(о. Александр Мень. История религии)

Англия, январь, 1935 год.

— Что за бред вы здесь понаписали, Эрвин!? — редактор отложил рукопись, протер очки и уставился изумленным взглядом на посетителя, смущенно сидящего перед ним. — Как вам в голову пришел этот дохлый кот? Неужели без таких сомнительных аллегорий никак не объяснить сущность законов квантовой механики? Если бы я вас раньше не знал и не печатал ваши статьи, то, право, я бы решил...

— Ханс, мне этот кот тоже совсем не нравится... Но это как раз ваш референт настоял на нем. Сейчас я объясню. Видите ли, первоначально мне показалось, что я для популярного объяснения нашел очень яркий и знакомый всем с детства образ, который описывается суперпозицией двух состояний... Я ведь человек религиозный, и знаете... Квантовая механика ведь тоже создана по милости Господней. Просто некоторые ее моменты многим не понятны, и надо было найти соответствующий и волнующий воображение образ, драматизирующий интерпретационную проблему. Тогда люди заинтересуются и преодолеют мнимую сложность понимания. Вот образ Иисуса на кресте — это как раз то, что было бы понятно всем...

— Эрвин... — Ханс Дитл перестал вертеть очки в руках и положил их на стол. — Вы хорошо себя чувствуете? Вы уверены, что у вас не горячка? Сначала дохлый кот, а теперь дохлый...

Редактор запнулся, поняв, что чуть не сказал что-то кощунственное. Но захваченный своей идеей профессор ничего не заметил.

— Да ведь в том и дело, — быстро перебил редактора Шредингер, — что Иисус на кресте лучше всего демонстрирует суть квантового парадокса, а удар сотника с копьем — момент коллапса волновой функции. Вот представьте — наш Господь без сознания весит распятый на кресте, истекая кровью из ран, и никто — слышите никто! — не может на этот момент сказать, мертв он или жив. Ведь это и есть в самом чистом виде понятие квантовой неопределенности. В онтологическом смысле Христос не может быть жив и мертв одновременно — это квантовая суперпозиция. Только удар копьем может дать нам ответ о его состоянии. Только такая вот эмпирическая проверка. В квантовом смысле, посланный Пилатом римский сотник с копьем — это внешний наблюдатель, экспериментатор, дающий нам окончательный ответ на вопрос, жив Иисус или нет на этот момент. Это и есть образ мгновенного изменения описания квантового состояния объекта, происходящего при измерении. А до того мы ничего точно не знаем, Христос для нас не жив и не мертв одновременно!

Шредингер победно откинулся на спинку кресла, оглядывая растерянно выглядевшего редактора.

— Вы же понимаете, что научный журнал не может ничего такого печатать, это же явное богохульство. — Выдавил из себя, наконец, онемевший Дитл. — Вы представляете, как бы обрушились на нас представители всех христианских конфессий! Да это даже обсуждать нельзя в здравом уме. Seriously, Эрвин, вы хорошо себя чувствуете?

— Мне это сначала не показалось никаким богохульством, — сразу погрузился Шредингер. — Ведь такое состояние Христа прекрасно известно каждому, верующему и неверующему. Поэтому я подумал, что этот общеизвестный факт был бы очень нагляден для пояснения проблемы. Но ваш референт уже убедил меня и предложил заменить Христа на кота...

— На кота? — казалось, редактора вот-вот хватит удар. — Вы теперь предлагаете распятую кошку вместо Христа? Да вы действительно спятили...

— Нет-нет, — торопливо прервал Шредингер. — Не распятую, конечно. Просто кошку, состояние которой нам неизвестно. Ну, не живую и не мертвую одновременно. Вот ваш референт и предложил заменить крест на коробку. Кошка помещается в герметичную коробку, и мы не знаем, жива она или уже задохнулась. Ее квантовое состояние...

— Стоп! Прекратите, Эрвин. Вы сегодня явно не в себе. Давайте перенесем разговор на завтра. Только исков от всевозможных обществ защиты животных нам не хватало!

— Но это же абстрактная кошка. Причем тут... Ну, ладно. Если душить кошку — это, на ваш взгляд жестоко, то можно оставить в коробке дырочки, и кошка просто умрет от голода, но мы не будем знать, случилось это уже или нет. И узнаем это только тогда, когда откроем ящик.

— А экспериментатору, очевидно, надо выдать затычки для ушей, — неожиданно у редактора прорвалась злая ирония. — Чтобы он не слышал мяуканья голодной кошки?

— Ну, кошке можно зашить рот... — профессор посмотрел на выражение лица редактора и осекся. — Хорошо, не так. Кошку можно намочить и подвести к ней два электрода... Нет, не то... Можно добавить в коробку ампулу с ядом. Вот! Действительно, так лучше. Помещаем внутрь ящика кошку, запечатываем его и оставляем систему в покое на час. Мы не знаем, разбилась ампула или нет. А соответственно мы не знаем, умерла ли кошка.

— Эрвин! — Ханс Дитл уже успокоился и попытался настроить разум на аналитический лад. — Но какого дьявола эта чертова ампула должна произвольно разбиться?

— Ну это же технические детали! Мы привяжем к этой ампуле молоточек, который сработает, когда... когда...

— Молоточек? — участливо поинтересовался редактор. — Да, да. Действительно, этот ваш убийственный молоточек в вашей адской машинке каким образом будет приведен в действие?

— Ну... К этому молоточку мы приспособим счетчик Гейгера, а рядом расположим радиоактивный источник, испускающий гамма-лучи...

— Так-так-так, — в голосе редактора уже пробивались иногда необходимые ему по должности елейные нотки психиатра. — И что же дальше?

— А механизм счетчика мы соединим с соленоидом, который, если отсчет случится, разобьет колбу с синильной кислотой...

— Колбочка с синильной кислотой? Да, да, это очень интересно. — Дитл уже внутренне смирился с тем грустным фактом, что старина Шредингер сошел с ума, и думал уже только о том, как бы избавиться от явно неадекватного профессора.

— Таким образом, ящик заполнится смертоносными парами, и наш кот умрет! Или, если отсчет не случится, и колба останется нетронутой, то не умрет! Но до того для нас кот все еще «мертворожденный». И только процесс наблюдения переводит кота в определенное состояние. — Шредингер победоносно посмотрел на редактора.

— Ну, хорошо, дорогой Эрвин, хорошо, — успокаивающим сладким голосом произнес тот. — Я сейчас, к сожалению, уже опаздываю на совещание, так что мы вернемся к этому обсуждению завтра, ладно? Или послезавтра... Очень интересная идея, мы обязательно... Но мне уже пора, покорнейше прошу меня извинить...

Шредингер вышел за дверь кабинета и пошел вниз по широкой лестнице.

Если бы он задержался у двери, то, возможно, смог бы слышать, как на повышенных тонах Ханс Дитл давал инструкции своей секретарше: — Если этот сумасшедший богохульный маньяк-вивисектор и распинатель кошек еще раз здесь появится, гоните его поганой метлой! Пусть он хоть был бы десять раз Нобелевский лауреат, но позорить наше уважаемое издание описаниями мучений дохлых-недохлых кошек я из-за него не собираюсь. И запомните — меня для него никогда нет. Слышите, никогда!

Шредингер этого монолога не слышал. Впрочем, то, что ни завтра, ни послезавтра ему сюда смысла возвращаться нет, профессору было и так понятно. Выйдя на улицу, физик остановился, вздохнул, покачал головой и, окинув взглядом ближайшую церковь, пробормотал вполголоса:

— Да, действительно, бред какой-то с этой кошкой получается... Вот с Христом так все просто и понятно... Но нельзя — так нельзя... Здесь Ханс все же прав. Зря я вообще о Христе упомянул. Придется теперь пробовать обратиться в другую редакцию. Пожалуй, надо ехать в Берлин...

Вздохнув, Шредингер отправился домой, твердя себе: «В следующий раз ни слова о Христе, ни звука о Христе, только кот. Только кот — иначе вообще не напечатают».

— Ну, дорогой профессор, это, конечно, забавная иллюстрация... — редактор немецкого журнала «Естественные науки» задумчиво прошелся по кабинету и повернулся к окну. — Но мне кажется, что с кошкой вы слишком уж намудрили. Ну, хорошо бы еще просто кот. Но столько лишних дополнительных приспособлений — и коробка, и смертельный газ, и молотки, соленоиды, счетчики Гейгера, гамма излучатели... Что-то во всем этом есть садистко-маниакальное, вы не находите? За что вы так не любите кошек? Может все же стоит придумать хоть что-то немного попроще, а?

— Я уже думал на эту тему, но...

Шредингер в нерешительности подошел к редактору и вдруг с ужасом понял, что тот смотрит в окно на церковь. Физик застыл на месте. Секунду спустя редактор махнул рукой, словно отгоняя от себя ненужные мысли, и быстро направился к столу:

— Ну что ж, профессор, дело ваше. Хотите кота — пусть будет кот. Завтра отдаем в печать.

Шредингер облегченно вздохнул.

АВАТАР: ПЯТЫЙ ДУБЛЬ

Члены финансовой комиссии Министерства обороны с интересом разглядывали необычную капсулу с лежащим в ней человеком. Полковник Куоритч закрыл крышку капсулы и повернулся к генералу Лангу.

— Джейк Салли, строительный рабочий. Упал с четвертого этажа возводимого корпорацией «Венес энд Эле» здания. Нижняя часть его тела парализована. Суд со страховой компанией он проиграл, так как его собственная вина в этом несчастном случае была полностью доказана. Джейк нарушил сразу несколько правил техники безопасности и не подчинялся должностным инструкциям. За участие нашем в проекте Джейку обещана дорогостоящая операция, которая даст ему возможность ходить, — сухо доложил полковник Куоритч и посмотрел на часы. — Оператор войдет в фазу быстрого сна через пятнадцать минут. Доктор Грейс введет вас в курс дела более подробно.

Грейс потушила сигарету и подошла к капсуле.

— Подключенный к датчикам человек видит сны, которые записываются в реальном режиме времени и проецируются прямо на монитор. У полковника Куоритча здесь особый интерес, но он позже расскажет вам о нем сам. Наша же основная задача — изучение функции быстрого сна, которая еще очень плохо исследована. Само назначение быстрого сна пока не понятно, существует несколько теорий. Мы пока только научились задавать общую канву сновидений. Оператор получает задание с набором характеристик персонажей и места действия, но детали и развитие сюжета воспроизводит сам. Мы это контролировать не можем. Оператору вводится раствор специально разработанного нами препарата, который увеличивает протяженность фазы быстрого сна в десять раз. Это может оказаться рискованным для здоровья, поэтому используется доброволец, мотивация которого быть

оператором сильна. Как уже говорил полковник, по окончании срока контракта Джейку обещана операция, которая вернет ему ноги. В целом, Джейк совершенно обычный среднестатистический человек. Любит кошек и комиксы.

— Какую именно вводную вы даете оператору? — спросил генерал Ланг.

— Задание Джейка выглядит просто. Для более легкой адаптации герой сновидения приближен к его собственному образу. Действие происходит в 2154 году. Герой сна — бывший морской пехотинец, получивший ранение в Венесуэле и прикованный к инвалидному креслу. Он летит на базу землян на планете Пандора в системе Альфа Центавра, где добывается исключительно дорогой и нужный на Земле минерал-сверхпроводник унобтаниум. Учеными разработаны аватары — созданные при помощи генной инженерии гибриды, полученные комбинированием человеческой ДНК и ДНК нави, коренных жителей планеты Пандоры. Получив второе рождение в виде аватара, Джейк снова может ходить. Его миссия — войти в доверие к одному из племен нави, чьи поселения находятся на самом богатом месторождении ценной руды. Первоначально задание этим и ограничивалось. Нас интересовало лишь конструирование виртуального мира во сне. Человечество, надо заметить, занимается этим всю свою историю. Начав с персонификации явлений природы и приписывая им действие духов, люди продолжали наделять мир воображаемого все более сложной структурой. Человечество придумывало богов и заселяло ими Олимп. Оно создавало подробнейшую мифологию и наделяло эти образы присущими человеку чертами. Люди писали священные книги и создавали новых божеств. Этот процесс не мог остановить никакой монотеизм, становясь лишь фоновой догматической формальностью. Все равно возникали сонмы ангелов и демонов, описывались их конфликты, тщательно разрабатывалась их иерархия. История человечества неотделима от истории выдуманных им виртуальных миров. Это одна вечная и главная ролевая игра человечества. Люди создают новые миры и населяют их разными мифологическими существами, от минотавра до джиннов, эльфов и инопланетных пауков. Девять кругов

ада Данте — это девять уровней игры с набранными очками за грехи. Нет никакой разницы между подробным описанием игры Warhammer 40000 или тщательными демонологическими изысканиями Вейера в XVI веке, который описал выдуманный мир дьявола столь же подробно. И то, и другое — лишь отражение архетипичных сновидений людей. Как я уже сказала, мы лишь задаем определенный фон, а оператор сам конструирует свой мир и решает конфликты в нем. Естественно, при этом оператор не может выйти за рамки архетипичных представлений. Битвы драконов в воздухе всегда будут вариациями небесной битвы архангела Михаила. Отличия лишь внешние: например, в том случае сатана представлялся драконом о семи головах. В процессе опытов выяснилось, что оператор на уровне подсознания уже имеет субархетипы поведения, и подгоняет под них сюжет сна. Более того, если внешние образы заданы не максимально жестко, то он в сновидении изменяет их для снятия внутренних конфликтов с навязанной ему общественной, а также с врожденной моралью. Борьба ангелов и демонов оказывается лишь конфликтом инстинктов. Впрочем, нам лучше сейчас посмотреть новый сон Джейка, он начнется уже через минуту. А потом полковник Куоритч пояснит, что именно вызвало его особую озабоченность.

Члены комиссии надели 3D очки. На экране начало появляться изображение. Присутствующие внимательно смотрели сюжет. Два часа спустя экран стал черно-белым, а спустя еще три минуты совсем потух. Джейк погрузился в фазу глубокого сна.

— Технология вывода сновидений на экран потрясает воображение. Там все красиво, как во сне, простите за каламбур, — заметил один из членов комиссии, сняв очки. — При этом мир схематично прост, основная фауна представлена, кажется, всего пятью видами. Воображение у Джейка явно не развито, а разумность его героя, а следовательно и его самого, вызывает большие сомнения. По глупой ухмылке его человеческого воплощения даже хочется сделать вывод об умственной отсталости образа. Подсознательно же в сюжете грубо, эмоционально и плакатно навязывается мысль о необходимости убить всех людей.

— Я сама все еще никак не могу привыкнуть к реалистичности картинки, — откликнулась доктор Грейс. — Должна заметить, что данный шестой дубль очень мало отличается от прошлого, поскольку задание Джейку мы в этот раз не корректировали. Сюжет, начиная с первого дубля, вообще почти не менялся. Практически такой же, как вы сейчас видели. Джейк по своей воле соглашается войти в доверие к аборигенам, добивается того, что те принимают его в клан, узнает все, что от него требовалось, и передает эту информацию полковнику. Но в это время он влюбляется в дочь вождя племени, а когда руководство земной колонии принимает решение изгнать аборигенов силой, пользуясь разведанными Джейка, тот встает на сторону аборигенов и организует отчаянную битву с людьми. Разница была лишь в визуализации. В первом дубле аборигены выглядели практически людьми. Тогда мы ввели в задание синий цвет кожи, трехметровый рост, хвост и форму носа. Джек изобразил что-то вроде гладких обезьян с кошачьими чертами и постарался сделать их симпатичными для своего человеческого восприятия. Начиная с третьего дубля, он даже не показывает, как аборигены поедают сырое мясо убитых животных, чтобы не разрушить свою иллюзию. А изображение людей у Джейка с каждым разом становится все карикатурней и отрицательней. Его ксенофобия в отношении собственного вида увеличивается с каждым дублем, образ нави становится все елейнее, а сам Джейк предстает все более униженным и несчастным. Даже его инвалидная коляска уже выглядит, как найденная на свалке, и в последних двух дублях он управляет ею вручную. Сюжет же в целом, как я уже сказала, остается без изменений.

— Показанная инопланетная цивилизация, — заметил генерал Ланг, — практически прямая калька с любого из диких земных племен с первобытнообщинным строем. В восприятии Джека нет ничего оригинального. Мы только что посмотрели кино про то, как хорошие космические индейцы с USB-косичками победили плохих космических ковбоев, и о том, что цивилизация несет в себе много гадостей. Что ж, покорение Америки европейской цивилизацией остается больной темой,

никуда от этого не деться. Причем сам Джейк явно знаком с историей только по вестернам, это показывает хотя бы атака на лошадях, которых у индейцев не было, а Джейк изначально ввел их в мир своего сна. Но как вы сами оцениваете такой поступок Джейка, доктор Грейс?

— Я не стану рассуждать о моральности или аморальности такого выбора. Предатель Джейк или нет — это вопрос этики, философии и системы взглядов оценивающего. Нас же интересует другое — непосредственные психические или биологические причины его решения. Пока ответить затруднительно. Он слишком легко перешагнул через врожденную программу «свой-чужой», срабатывающую на близкий вид.

— А ваше мнение по данному вопросу, полковник?

— В этом аспекте никакого разногласия у нас нет. Каждый смотрит со своей точки зрения. Я военный, а не философ. Моя задача проста: не допустить, чтобы во вверенных мне частях находились такие «бойцы», которые, не задумываясь, предадут своих товарищей во имя каких бы то ни было целей. Я здесь выношу за скобки вероятную аморальность и неразумность поведения полковника из сновидения. Это вопрос военного трибунала, а не солдата. Кстати, Джейк большинство героев наделил нашими реальными именами. Не скажу, что это доставило мне удовольствие. Джейк, безусловно, предатель, и он это понимает. В его сновидении на любые сомнения дан четкий ответ, вложенный в уста полковника: «Каково это — предать свою расу?». То есть он сам в своем сне спрашивает это у себя словами полковника и ответить на вопрос ничего не может. Он готов к предательству изначально, и моя задача выяснить, почему. Это тем более странно, поскольку он предает даже не расу, а свой биологический вид. В пятом дубле мы добавили в условие вскользь брошенную фразу, что ресурсы и природу самой Земли человечество исчерпало, и добыча минерала имеет огромное значение для выхода Земли из энергетического кризиса. Более толстого намек на то, что потеря возможности добывать минерал приведет к гибели населения Земли, мы на этом уровне решили еще не давать. Джек на вводную никак не отреагировал,

предательство совершилось еще быстрее. Поэтому по моему настоянию в последующих дублях образ инопланетян будет более жестко детерминирован. Сначала мы зададим им эволюционно оправданные шесть конечностей, как у большинства остальной фауны планеты. Потом представим их образом наиболее мерзких человеческому восприятию пауков, а гибель Земли в случае провала добычи минерала будет подразумеваться однозначно. Если и это не повлияет на сюжет сновидения, мы введем в сценарий погибающих на Земле родителей Джейка, его младшую сестру, детей от первого брака или еще что-нибудь в этом роде. Я хочу увидеть, есть ли у этого парня предел возможности предательства, и чем все-таки оно конкретно вызвано.

— Неизвестно, есть ли у Джейка арахнофобия. Так что это слишком субъективное требование, — откликнулась доктор Грейс. — Что же до...

— Прошу прощения, — прервал доктора генерал Ланг. — Прежде чем обсуждать грядущие опыты, давайте сначала выясним тот главный вопрос, по поводу которого мы здесь собрались. Вопрос финансирования экспериментов. Ваша лаборатория уже значительно превысила бюджет, и это может попасться на глаза комиссии сената. Что, учитывая секретность опытов, крайне нежелательно. Но мне доложили, что вы нашли нетрадиционное решение в такой ситуации. Я знаю, что оно завизировано вышестоящими инстанциями, но я не в полной мере в курсе подробностей. Вот именно эти детали мне бы и хотелось от вас услышать.

— Да, решение было принято нетривиальное, — ответила доктор Грейс. — В поисках дополнительного финансирования мы решили предложить сотрудничество Голливуду. Нам удалось очень быстро договориться с Джеймсом Кэмероном. Режиссер посмотрел образец записи и был просто сражен — снять подобное было его неисполнимой мечтой уже пятнадцать лет. Естественно, вся технология остается совершенно секретной, поскольку любые сведения о возможности записи сновидений, да еще и в 3D, просто разрушат нашу киноиндустрию. В компании XX Век Фокс также, конечно, не в курсе

деталей. Ограниченный круг наших партнеров знает лишь то, что съемки возможны благодаря испытаниям нового суперкомпьютера в рамках военного проекта. О сновидениях они не догадываются. Подставные компании, якобы производящие съемку, созданы под управлением руководства нашего проекта. Таким образом, режиссер получил возможность сэкономить средства на компьютерной анимации, ему оставалось только подобрать в фильм живых персонажей. Мы в свою очередь ввели фотографии этих актеров в мозг Джейка. Все съемки актеров с новыми мифическими 3D камерами в пустом пространстве студии — операция прикрытия. Официально же будет считаться, что для фильма Кэмерон разработал специальную технологию, позволяющую во время съемок видеть на экране мониторов компьютерных персонажей вместе с живыми актерами. От этого предложения Кэмерону было невозможно отказаться, и соглашение на «съемку» фильма «Аватар» уже подписано. По нашим расчетам, сделка вернет нам затраты на начальную стадию проекта, и мы сможем продолжить исследования. При успехе фильма более чем вероятно, что полученных средств хватит на весь проект целиком, и он станет самоокупаемым.

— Ну что ж, если вам удалось найти такой побочный источник финансирования, и секретность проекта при этом будет полностью соблюдена, то у комиссии нет никаких вопросов. Продолжайте работу. — Генерал Ланг поднялся и пошел к выходу, но у самой двери обернулся: — Кстати, а этот режиссер, Кэмерон, как-нибудь прокомментировал тему предательства Джейка?

— Нет, — ответил полковник. — Но я уверен, что очень близкий сюжет зрел в его мозгу все последние пятнадцать лет. Кэмерон сказал, что сценарий просто идеален и подходит ему на сто процентов. Фильм будет основан на пятом дубле, который практически мало отличается от увиденного вами шестого.

— Боже, храни Америку, — пробормотал генерал. — У нас уже есть порочная традиция избирать себе президентов из киноактеров. Если когда-нибудь мы выберем себе в президенты

режиссера, и этот режиссер окажется Кэмероном... Возможно, при таких условиях и я смог бы формально стать предателем, всадив в него всю обойму, пока он со своей святой уверенностью, что человечество есть безусловное абсолютное зло, и выношенной десятилетиями мизантропией не добрался до президентской ядерной кнопки. Продолжайте работать, полковник.

Когда генерал и сопровождающие покинули лабораторию, полковник повернулся к присутствующим:

— Заметил ли кто-нибудь отличия шестого дубля от пятого? Я лично практически не увидел разницы. Еще больше ярких цветов в джунглях, еще симпатичней выглядят эти инопланетные синие обезьяны, особенно его возлюбленная самка. Пожалуй, стоит также отметить, что Джейк много бегают и скачет как ребенок в начале фильма. С каждым дублем это заметно больше и больше, в первых дублях его щенячья радость еще не была видна так явно. Значит, какой-то подсознательный опыт у него накапливается, хотя сны под действием нашего препарата его сознание не запоминает. Джейк просто без ума от виртуального возвращения утерянной возможности ходить.

— Это-то и странно, — задумчиво сказала доктор Грейс. — В последних дублях образ полковника произносит обещание операции напрямую, хотя непосредственно в задании этого момента не было. Так что Джейк ничего не забыл и осознает, что его вылечат, и что в реальности мы также подписали контракт с обязательством восстановить его ноги. Но он все равно переходит на сторону аборигенов с непрогнозируемым результатом, хотя ноги для него самое главное. Может, действительно, вы, военные, рассуждаете слишком цинично, а у Джейка просто проявились высшие гуманитарные ценности и идеалы, чувства, ради которых он идет на жертву? Иначе я просто не понимаю, чем он думает.

— Да, действительно, странно это. — Полковник задумчиво посмотрел на присутствующих и вдруг с размаха стукнул себя кулаком по лбу. — Чем думает?.. О, дьявол! Джейк парализован ниже пояса, а мы пообещали восстановить ему только ноги?!

АВАТАРАТЮРЫ

1. Связь

Оператор откинул крышку капсулы и сел на край, нервно растирая запястья.

— Ты чего так рано связь прервал? — безразличным голосом спросил глава технического отдела, даже не поглядев в его сторону.

— Нет, это уже перебор. Что я, мазохист какой? Надо ослабить входящие нервные импульсы еще на порядок. Больно же!

Главный техник отложил паяльник и задумчиво посмотрел на оператора.

— Ну, прости уж, сам же поначалу давал задание по полной идентичности: я и он, мол, должны быть как одно. А теперь началось — раз ослабить, два ослабить... Нет возможности ослаблять только входные импульсы, а при каждом ослаблении общей связи аватар получает все больше автономности. Он уже и так у тебя вырубается с запозданием.

— Ну и пусть, не страдать же мне от этого, — поморщился Яхве. — Просто скажи, сколько времени это займет.

— Работы здесь по переделке схемы немало... Думаю, сможешь снова подключиться к аватару дня через три, — быстро подсчитал Люцифер.

— Для чего ты меня оставил? Или, Или! Лама савахфани! — вскричал тем временем аватар и отключился.

2. Возмездие

— Запасная база расконсервирована. Периметр чист. Начать выгрузку десанта! — объявил полковник Хиггз.

Новый менеджер корпорации внимательно посмотрел на него.

— Меня не посвятили в подробности операции «Возмездие». Но я надеюсь, вы помните, что мы обязаны строго соблюдать

соглашение, которое категорически запрещает оружие массового поражения и ограничивает военную власть на месте.

— У нас теперь есть лучшее, совершенное и проверенное временем оружие, против которого никакая Межпланетная Космическая Ассоциация или ООН не будут возражать. Странно, что правление корпорации не додумалась до этого раньше. Опыт предков иногда все же стоит учитывать. Так что в этот раз мы отомстим за первое поражение, — полковник Хиггз похлопал по крышке ящика с надписью «Ответ 147/2»*. — Цивилизации нави, считайте, уже нет.

— Уж не собрались ли вы травить аборигенов «огненной водой», как на Диком Западе?

— Нет, их организм не подвержен влиянию алкоголя. Наше оружие совершенней.

— Но эти ящики что-то не очень похожи на ракеты. Биологическое оружие?

— Какие еще ракеты? Какое еще биологическое... — возмущился было полковник Хиггз, но задумался: — Хотя в какой-то мере, да, биологическое. Это аватары. А смертельное для нави оружие — это их новые операторы.

Из корабля тем временем, щурясь на непривычный свет, отражающийся от огромного Полифема, выходили два десятка христианских миссионеров.

* 147. Вопрос и ответ. — Что прежде всего перенимают нынче дикари у европейцев? Водку и христианство, европейские наркотики. — А от чего они скорее всего погибнут? — От европейских наркотиков.

(Фридрих Ницше. Веселая наука)

3. Цена пива

Джейк подкатил в своей коляске к стойке. Бармен привычно нахмурился.

— Привет, Джейк. Прости, но в долг я тебе больше не отпущу. Пора и совесть знать.

— Не волнуйся, сегодня у меня деньги есть, на пиво хватит. А на днях и весь долг верну, как только получу

аванс — у меня очень неплохая работенка наклеивается, пойду по стопам брата.

— Ученым стать захотел? Неожиданно как-то. Кстати, давно хотел тебя спросить, никак не могу понять — ты говорил, что брат твой выдающийся ученый, уже несколько лет у него в кармане контракт на полет в космос, на ту самую Пандору, о которой мы все еще в детстве читали. Похоже, денег у него куры не клюют. А вот тебе он помочь оплатить операцию почему-то не хочет. Что это у вас за семейные отношения такие?

— Какие там отношения! Терпеть он меня не может, все пеняет за то, что я в армию пошел. Ты, говорит, мог бы стать таким же ученым как я, но предпочел убивать людей на этой несправедливой войне, позоришь, мол, наш род. Я его не раз просил по-хорошему. Ни в какую. Гнилой человечек был.

— Что значит был? С ним что-то случилось?

— Понятия не имею. Я не сторож брату своему. — Джейк полез в карман и достал пару мятых бумажек. — Вот тебе два доллара за пиво.

4. Глубокий смысл

В то время Кэмерон признался другу: «Я тут понял, что за 200 миллионов баксов я снял какую-то соплившую ерунду, где все в конце умирают. Блин, о чем я только думал? Карьеру надо начинать заново».

(О съемках фильма «Титаник» в журнале «Wired»)

Известный кинокритик и журналист Доунс выключил диктофон, помялся немного, но все же решился напрямую спросить Кэмерона о том, что не давало ему покоя — об основном скрытом смысле нового блокбастера «Аватар».

— И все-таки скажите, как вам все-таки удалось так гениально совместить столько разнообразных психологических и идеологических пластов в вашем шедевре? Нет, это не для интервью, я просто хотел для себя представить всю грандиозность вашего замысла. Я заметил, что ограниченные

люди видят только второстепенные грани вашего монументального произведения. Одни зрители находят в фильме идеологию эскапизма и бегство в виртуальную реальность, другие подмечают острый социальный подтекст и напоминание о наших грехах в отношении индейцев. Третьи рассуждают о предательстве героя, четвертые видят любовь и романтику, пятые отмечают экологический призыв, шестые обсуждают этические конфликты контакта цивилизаций, седьмые видят обличение капитализма в лице бездушной корпорации, восьмые уверены в осуждении техногенного пути развития... Весь спектр мнений даже не перечислить. Все увидели в фильме лишь то, что хотели увидеть. Как вы сумели так художественно смешать краски сюжета в своеобразные пятна Роршаха, чтобы каждый видел только свое? Как вам удалось добиться такого разнообразия поднятых тем, такой глубочайшей психологии, такой виртуозной многомерности восприятия? И какую тему вы сами все же считаете самой главной?

Кэмерон отрицательно покачал головой, отказываясь отвечать, но вдруг закричал, не выдержав:

— Да задолбали, блин, журналисты меня уже этим вопросом. Вы хоть читали мое последнее интервью?! Там же ясно было сказано, что я просто не врубаюсь в сюжеты? Я этого и не отрицаю. Мне сами съемки интересны, а хитросплетения сюжета — нет. Когда я снимал Титаник, то только к самому концу съемок до меня вообще начало доходить, о чем я снимаю фильм! Теперь понимаете, наконец? Я десять лет одну только подводную фауну снимал. Я влюбился в море. Мне просто кораллы разноцветные хотелось в джунглях нарисовать, медузок там разных летающих, перенести свой любимый подводный мир на землю. Чтобы красиво было. Я вообще больше ни о чем не думал! А вам, блин, все глубокий смысл подавай. Здесь его поищите! — Кэмерон ткнул пальцем в репродукцию картины на стене, потом безнадежно махнул рукой и пошел в бар.

— Вот же хитрец! Как играет! — восхищенно пробормотал кинокритик, глядя ему вслед. — Так и не раскрыл мне самую главную идею картины. Ну да ничего, мистер Кэмерон, я вас уже расколол. По кодовому названию операции против

нави «Шок и трепет» совершенно ясно, что основной пласт сюжета — это обличение современной экспансии американского империализма!

Кинокритик снова включил диктофон и, возбужденно наговаривая содержание своей будущей статьи, пошел к выходу, даже не взглянув на Черный квадрат Малевича, висящий на стене.

5. Торук

— Есть одно дело, старик. Только, боюсь, тебе это не понравится. — Джейк погладил икрана и взмыл в небо.

Джейк летел и вспоминал любимые сказки своего детства о том, как рыцарь победил дракона, чтобы завоевать сердце принцессы. Вот так и надо сделать, чтобы нави признали его торук-макто! Нейтири говорила, что со времен первых песен было всего пять наездников дракона. Но как именно это сделать? Джейк быстро догадался, что торука можно легко оседлать в небе, и с гордостью осознал, насколько он умней и сообразительней нави. Ведь сами нави до этого не додумались. Он хитростью подчинит себе дракона и станет шестым торук-макто. Тогда нави, храня свои традиции, посчитают его вождем всех кланов, и он получит принцессу. Как хорошо, что нави так наивны и суеверны!

— «Сильнее торука в небе никого нет. Он летает выше всех. Так зачем же ему смотреть вверх?» — четко по сценарию произнес над ухом Джейка закадровый голос. Джейк увидел под собой торука и вдруг неожиданно для себя задумался: — Если я оказался выше него, то как же он может летать выше всех? А если он может быть ниже, то почему бы ему не смотреть наверх? Какой идиот писал этот сценарий? Да и странно как-то, что никто из нави не додумался до такого простого способа седлания этого дракона. Что-то здесь не то... Ну да ладно, некогда отвлекаться на всякую ерунду, сейчас я эту летающую ящерицу быстро заломаю...

Нави пели песни, когда вдруг с неба красиво спланировал красный дракон с Джейком на шее.

— Торук-макто... — прошелестело растерянно по толпе.

— Нет! Я видел! — закричал вбежавший охотник Обломийри — это торук-томак! Я видел, как он оседлал торука, спрыгнув на него сверху с икрана!

— Это правда, ты не ошибся? — в ужасе вскричала Нейтири. — Я не верю, не бывает позора больше! Со времен первых песен был только один ничтожный торук-томак, посмевавший нарушить Древний Закон предков и оседлавший торука в небе.

— Да, я сам видел это! — взволнованно подтвердил охотник. — Он оскорбил этим наши самые священные традиции. Он презренней червя и заслуживает медленной и мучительной смерти! Иначе настанут последние времена Великой Скорби.

Нави потянулись к лукам с отравленными стрелами. Сзади дико заорал торук — первая же стрела вонзилась ему прямо в глаз.

— Чертовы синие обезьяны! — закричал Джейк, поняв, что выхода нет. — Суеверные тупые дикари!

6. Мизантропы

Как справедливо было подмечено во множестве рецензий, фильм «Аватар» — это яркая апология предательства. Но кто этот предатель? На первый, наивный, взгляд — это аморальный главный герой. Отщепенец, который не только предает родину, но и беззастенчиво ворует казенное оборудование, в том числе и новое тело, заботливо предоставленное ему человечеством. С помощью этого тела он подло уничтожает своих благодетелей и совокупляется с иноземной сущностью. На символическом плане это, несомненно, аллюзия измены Родине. Тем не менее даже этот, с позволения сказать, «герой» — не основной носитель деструктивной морали: настоящий извращенец до поры до времени остается за кадром. Но наблюдательный аналитик рано или поздно вычислит его. Это маньяк полковник Куоритч. Именно он, для вида послав Джейка на переговоры с целью уговорить инопланетян переехать — «Выполняйте, капрал!», — тут же посылает вслед за ним разрушающий лес

бульдозер, чтобы эти переговоры были обязательно сорваны. Ибо его тайная задача совсем другая.

На самом деле весь фильм посвящен противостоянию двух мизантропов, цель каждого из которых — уничтожить человечество первым. Напряженный глубокий сюжет раскрывает нам подробности этого скрытого состязания. Сначала выигрывает Джейк. Убедившись, что нави не нужны «джинсы и пиво», и переселить племя не возможно, он отказывается лететь на Землю за новыми ногами. Он не может надеяться на то, что его сознание будет перемещено в аватар, поскольку еще не знает о существовании такой возможности.

Джейк идейный противник человечества, и жертвует собой во имя его уничтожения. Тем более, он понимает, что полковник его обманывает — ведь связи с Землей у того нет, свет до нее идет больше четырех лет.

Джейк обещает полковнику, что вернется к нави, пройдет обряд инициации и уговорит их переселиться с дерева. Оба героя понимают, что это ложь, но таковы правила игры. Джейк, чтобы спровоцировать боевые действия, специально делает видеозапись о невозможности мирного решения конфликта и специально упоминает только «джинсы и пиво». На самом деле он прекрасно знает из земной истории, что ресурсы у аборигенов всегда покупали за бусы. И он знает, что нави тоже бусы носят и ценят, показывая тем самым свой иерархический статус. Но ему нужна война. Возможно, и полковник осознает, что изготовление бус с яркими светодиодами — самое простое решение проблемы. Но ему тоже нужна война. Поэтому он отпускает Джейка, понимая, что тот уговаривать аборигенов не будет, а будет тянуть время, волочась за юбкой (пардон, хвостом). Джейк полностью оправдывает ожидания полковника и после инициации идет развлекаться с Нейтири, даже не думая ни о каких переговорах. И вот здесь свой подстраховочный ход делает полковник — высылает бульдозер. Теперь переговоры невозможны, любая их попытка будет принята в штыки.

Но на самом же деле Джейк только этого и ждет. Он повреждает бульдозер и попадает за решетку, правильно

рассчитав, что полковник попытается вызволить его оттуда, чтобы использовать деструктивный потенциал аватара в своих планах. И полковник действительно посылает своего агента, пилота Труды, освободить ученых и Джейка. Наивные ученые, не искушенные в работе спецслужб, не задаются вопросом, как так получилось, что пилот вертолета, отказавшийся выполнять приказ, не только не сидит вместе с ними в тюрьме, что еще можно было бы прикрыть контрактом, но играет роль официанта и развозит еду заключенным.

Естественно, предателем является и ученая Грейс, для которой «растения милей людей». Ученые имели в распоряжении десятилетия, обучили нави английскому языку, но так и не объяснили, чем корпорация занимается на их планете, поэтому нави по-прежнему стреляют из луков по колесам грузовиков. Ясно, что Грейс мечтает о военном конфликте и надеется на гибель людей.

Таким образом, вся команда предателей начинает работать на план Куоритча. Тому остается только особо талантливо организовать военную операцию и послать пехоту на бессмысленное самоуничтожение в смертельно опасные джунгли. Но там и его самого ждет недооцененный им Джейк.

Еще более тонкий аналитик несомненно поймет, что и полковник Куоритч — лишь мелкая пешка в игре, которую ведет менеджер корпорации Патрик Сэлфридж. Ведь именно он утверждает, что самое большое месторождение обладающего сверхпроводимостью минерала находится под деревом. Но ведь и меньшие количества минерала летают вокруг в виде скал, почему же самые большие его залежи не летают, а мирно лежат в земле? Потому что его там просто нет. Сэлфриджу тоже нужен военный конфликт, поэтому он выдумывает мифические залежи минерала. Возможно, он дезинформирует остальных утверждением, что это магнитные горы летают над минералом. Рискованный шаг — ведь тогда ясно, что копать надо под парящими горами, а не под деревом, но на базе никто не компетентен в сверхпроводниках и не замечает подставы. На самом деле, конечно, все наоборот — это горы сверхпроводника левитируют в магнитном поле. Но Сэлфридж этого

сказать не может — а вдруг кто-то спросит, зачем тогда опять же взрывать дерево, когда надо пилить летающие горы? Поэтому Сэлфридж объясняет полковнику, что наиболее чистый минерал вылетит из-под дерева, как только его свалят.

На первый взгляд, провокацию Сэлфриджа можно было бы объяснить желанием поднять цену на минерал, мотивируя сложность добычи войной с туземцами — но это слишком рискованный бизнес. Ясно, что именно Сэлфридж более всех стремится уничтожить человечество, используя амбиции своих подчиненных. Именно он организовал убийство брата Джейка на земле, чтобы воспользоваться озлобленным ветераном. Никакой корпорации не пришло бы в голову забыть пообещать инвалиду вернуть его ноги, сознательно отчуждая его от собственного тела и земной личности. Только когда полковник взрывает дерево, а минерал так и не взлетает в воздух, старый вояка понимает, что Сэлфридж вел свою игру. Но поскольку их мизантропические планы совпадают, полковник ничего не говорит. Сэлфридж, как самый предусмотрительный мизантроп, остается в живых и отправляется обратно на оставшуюся без минерала Землю, чтобы окончательно уничтожить ее.

Но и Сэлфридж — всего лишь исполнитель, а его настоящий хозяин и основной ненавистник человечества просто использует его как аватар. Кто же это?

ЯБЛОКО

— Нет! — Ева отдернула руку от яблока. — Он сказал: «не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь».

— Говорю же, не умрете, — раздраженно зашипел Змей. — Наоборот, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

— Пожалуй, я все же не стану есть, мало ли что может случиться. Ведь все другие боги суть бесы, так это и значит — будете, как бесы? Запрещено — значит запрещено. Зачем мне эти плоды познания, мне и так хорошо. — Ева развернулась и побежала прочь от дерева, радостно прыгая по зеленой траве.

Змей проводил ее разочарованным взглядом.

— Что ж, раз у этих глиняных обезьян нет никакого желания обладать разумом, пусть тогда служат нам и ухаживают за деревьями, — довольно пробормотал Червяк, вгрызаясь в яблоко.

***

— Прости меня, я теперь буду послушной, всегда буду исполнять все, что Ты скажешь! — плакала Ева, пряча огрызок яблока за спину. Господь презрительно посмотрел на нее и повернулся к Змею.

— За то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей! — грозно возвестил Господь.

— Но я-то за что? За какие такие прегрешения ты хочешь оторвать мне ноги? — возопил Змей. — Не ты ли сам создал меня и вложил мне это странное чувство любопытства? Я же просто хотел узнать, что произойдет.

— Знал ты, проклятый, что Добром это не кончится!

— Откуда же мне было знать, если я не ел плода познания Добра и Зла? Я бы и рад был съесть этот чудесный плод, но я ведь не могу есть яблоки, ты меня таким создал, а значит, не дал мне свободы выбора!

— Вражду положу между тобою и между женою, — не обращая внимания на слова змея, мстительно сказал Яхве, указав на Еву. — И между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку.

— Но ведь это не справедливо... — начал было Змей, но не успел закончить: послушная Ева подбежала и разможила ему пяткой голову.

***

— Ну и что нам теперь делать? — растерянно пробормотал Адам, съев Последнюю Ягоду.

— Вот послушал бы меня, съел бы яблоко сразу, и не было бы у нас никаких проблем, — продолжала пилить Адама Ева. — А теперь из-за твоего глупого упрямства весь Рай погибнет.

Адам оглядел то, что когда-то казалось Раем. Все долгое Безвременье никто не осмеливался есть плоды с дерева познания Добра и Зла, помня строгий запрет Господа. Плоды падали, и их семена прорастали новыми деревьями. Теперь повсюду, куда ни брось взгляд, росли только деревья познания Добра и Зла, вытеснив, подобно сорнякам, всю другую растительность. Почти все птицы и звери уже погибли. Последний Ворон тщетно пытался выковырять из земли Последнего Червяка. Муравьи неподалеку доедали умершего с голода Змея.

— Будь что будет, все равно же помирать. — Ева не выдержала первой, и впилась зубами в яблоко.

Через минуту она помрачнела и протянула яблоко Адаму.

— Я была права, такова была Его воля, ибо «в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было». Теперь я познала, что мы просто не могли не съесть яблоко, таков был замысел Его, это и есть Божественное Предопределение!

***

— И когда съедят они этот плод, то превратятся немедленно в бесов неистовых, — продолжал проповедовать Змей. — И тогда ничто уже не сможет их остановить. Они будут плодиться и размножаться, уничтожая нас. И заселят они все стороны земли. А затем ад придет на землю, возгорится геенна огненная. Бесы начнут убивать нас для развлечения, а из ваших шкурок шить себе шубы и шапки. Таково мое пророчество.

— И что же нам теперь делать? Мы же не можем сами съесть этот плод, — растерянно спросили слушатели.

— То, что нельзя съесть, можно уничтожить. Он запретил нам есть плоды, предназначив нам в пищу только траву. Но разве запрещал он вам грызть деревья? А, бобры?

***

— А почему мы называем этот плод яблоком? Как вообще ты назвал дерево, с которого нам нельзя есть, когда Господь приказал тебе дать всему живому имена? — задумчиво спросила Ева.

— Я тогда еще только говорить учился. Кажется, «Ааа-уууу-аааа».

— А точнее не можешь вспомнить?

— Ну... Вспомнил! Господь мне тогда сказал придумать имена только зверям да птицам, а деревьям я имена и не давал ни фига!

— Ну вот пусть тогда фига и будет. А почему нам плодов с этой фиги есть нельзя?

— А я ведь, кстати, еще даже тебе имя не дал, женщина, — попытался было перевести тему Адам. — Давай назовем тебя... эээ...

— погоди, я хочу кое-что проверить. Раз нам нельзя есть плодов познания Добра и Зла, то надо ими кого-нибудь накормить. — Ева быстро побежала к Древу Познания.

На ветке лениво возлежал Змей, свесив свои четыре лапки, и грелся под теплыми солнечными лучами. Был бы он и взаимно сообразительнее всех зверей полевых, давно бы убежал.

ПРЕДАТЕЛЬ

— Значит, погубил Господа нашего? — говорил, еле сдерживая ярость, Петр, перебрасывая веревку через осину. — Продался, наверняка, фарисеям? Сколько они заплатили тебе, ничтожество, 30 сребреников?

Обвиняемый молчал и только дрожал всем телом.

— Да уж, такое дело загубил. — процедил сквозь зубы Иосиф Аримафейский. — Я с таким трудом извлек его полуживое израненное тело до того, как фарисеи додумались поставить стражу у гробницы. Еще неделя — он бы подлечился, и весь Израиль бы уверовал в Его воскресение. Так было трудно все организовать, такой прекрасный план был. И все напрасно?!

— Но ведь Он сам подал нам пример, — стал оправдывался предатель, — Он сам обвинял фарисеев, что те, оставив заповедь Божию, держатся предания человеческого. Что они тем самым отменяют заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание. Разве не Он сказал: «тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим»?

— Мерзки и ложны твои оправдания! — гневно воскликнул апостол Андрей. — Разве не говорил Он, что не нарушить Закон Он пришел, но исполнить? Но ты презрел требования Закона! И где теперь Господь, который должен был воскреснуть и вести народы бороться за Царство Его? Где Царь Иудейский? Он умер! Ты убил Его!

— Я делал все, как Он говорил, это же не Закон, это лишь предание старцев, установления Соломоновы, предписания Ниды, — слабым голосом пытался протестовать обвиняемый, — а Он сказал, что это не оскверняет человека и что не нужно... Ведь что отвечал Он на происки фарисеев, которые спрашивали: «зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?» Ответил же тогда Господь: «есть неумытыми руками — не оскверняет человека».

Петр, наконец, закрепил веревку и молча стал затягивать петлю на шее предателя.

— Но я же не виноват, — продолжал жалко канючить Фома. — Он ведь сам просил: вложи да вложи пальцы в раны. Так что из того, что он потом умер от горячки? Моя-то в чем здесь вина? Он же сам нам говорил, что руки мыть не надо.

АТЕИСТ

И как много других таких же нечестивых бредней они рассказывают? Уран оскопляется, Кронос связывается и низвергается в тартар, титаны делают восстание, Стикс умирает в битве: даже и смертными они оказываются; влюбляются друг в друга, влюбляются в людей.

(Афинагор. Прошение о христианах, 21. II век)

Осел сказал:

— Вот я тебя сейчас челюстью!

— Это как?— растерялся лев.

— Ты что ж, не читал святого писания? Там ясно сказано, что Самсон побил ослиной челюстью тысячу филистимлян.

— Ишь ты! Целую тысячу?!

— Ни больше, ни меньше. Ослиная челюсть — страшное оружие, если она в надежных руках!

— Покажи! — попросил лев.— Разреши, пожалуйста, я потрогаю!

Потом лев стоял над мертвым ослом, прижимая к груди его челюсть. «Да,— думал лев,— покойник был прав: в надежных руках ослиная челюсть — страшное оружие!»

(Феликс Кривин. Божественные истории)

Гул возбужденной толпы перешел в громкий возмущенный ропот. Усталый путник остановился и сбросил с плеча тяжелую котомку.

— Что там происходит? — удивленно спросил он у идущего навстречу старика.

— Безбожник там проповедует, — проворчал старый Иоаким — Допрыгается, сын ехиднин. Забросают его сейчас камнями. И ученикам этого богохульника достанется. Ишь, додумались против закона Моисеева выступать!

Путник подошел ближе и втиснулся в толпу. Безбожник лет тридцати с горящими глазами и всклокоченной бородой возвышался над толпой, забравшись на самый верх горы, и смущал оттуда своими речами сердца людей.

— Книжники и фарисеи пользуются вашей доверчивостью. Они дураят вас! Каких только глупостей они не рассказывают! А вы верите в их сказки. Вы верите в то, что можно убить тысячу человек одной ослиной челюстью, но только свежей. Старая для этого не подойдет. Верите, что для напуска несчастий на Иерусалим лучший способ — сжечь огнем посреди города одну треть своих волос, вторую изрубить ножом, а третью развеять по ветру. Но это сработает, только если священник, готовящий себе пищу на человеческом кале, положит перед собою кирпич и начертает на нем имя города. Вы верите в говорящих змей и ослов и спите со своими ребрами. Ваш разум поврежден, потому и говорю вам притчами, ибо видя не видите, и слыша не слышите, и не разумеете.

Стоящие в стороне римские солдаты похохатывали и наслаждались театром. Те же, кто были из местных ауксильи, злились, но пока не подавали виду. Путник почувствовал азарт. Если толпа решит забить богохульника камнями, он тоже сможет поучаствовать.

— Думаете, ваша религия менее смешна? — внезапно повернулся в сторону римских воинов вошедший в раж безбожник. — Все, что говорят и чему учат ваши жрецы — это выдумки. Можно ли придумать что-то более безумное, чем ваши боги? Уран оскопляется, Кронос связывается и низвергается в тартар, титаны совершают восстание... И как много других таких же нечестивых бредней они рассказывают! Стикс умирает в битве: даже и смертными они оказываются; влюбляются друг в друга, влюбляются в людей. И это ваши боги? О неразумные! Вы даже простого сына человеческого, римского императора, почитаете за бога. Вы готовы поверить в любой вымысел. В то, что бог может умереть и воскреснуть. Что бог может полюбить человека. А если бы ваши жрецы рассказали вам, что боги произошли не от богов и людей, а, например, от людей и жертвенных голубей, вы бы, небось,

и в такую чушь поверили? — безбожник не выдержал и сам расхохотался над своей шуткой.

— Богохульник! Атеист! Убить его! Забросать его камнями! — гудела толпа.

— Распятъ его! — влились в рев толпы крики римских ауксилиев.

— Хм, а ведь этот безбожник не так уж и неправ, хотя сам даже не понимает всю глубину своей мысли, — неожиданно прошептал путник. — Кажется, это может сработать. Действительно, чем бредовой учение, тем легче ему избежать рациональной критики и овладеть разумом уверовавшего. Только так оно сможет завоевать целый мир.

Путник постоял на месте еще несколько секунд, размышляя над пришедшей в голову идеей, а затем тихо отошел в сторону.

— Нет, в самом деле... Может, мне стоит не на раввине продолжать учиться, а поменять имя и начать проповедовать подобную чушь на полном серьезе? Но лучше не сразу. Пока я буду служить в страже первосвященника и забивать камнями еретиков, нанять тем временем нескольких писателей, которые тайно выдумают новые священные книги... Над этим стоит поразмыслить. *Credo quia absurdum est*, — задумчиво бормотал себе под нос молодой Савл, сын фарисея из Тарса, наблюдая за тем, как озверевшая толпа тащит безбожника во двор первосвященника Каиафы.

DE NATURA RERUM

Вечер, 10 сентября 1541 г.

Теофраст Парацельс очень любил свой маленький уютный домик на окраине Зальцбурга. Наконец-то он может заняться врачебной практикой и писать труды, не заботясь о том, что завтра ему, как не раз случалось, придется перебираться в другой город. Теперь у него здесь есть свой дом, кабинет, своя лаборатория. Своим нелегким трудом на благо науки он это заслужил. А сколько еще предстоит сделать! Ведь Эликсир Жизни уже почти готов, но еще не опробован. Все те пять рецептов, которые он составил раньше, работали плохо. Честно говоря, не просто плохо. Иногда в укромных уголках сознания даже мелькали напущенные бесами и элементами мысли, что пациенты умирали как раз таки от использования этих эликсиров. Но на этот раз все будет по-другому. Он, профессор Парацельс, сделает то, что пока не удалось ни одному алхимику. Он создаст эликсир и прославится на века!

Радужные размышления Парацельса были бесцеремонно прерваны настойчивым стуком в дверь. Странно, он ведь сегодня уже не ждал пациентов. Тем более что последние два пациента так и не оправались после его лечения и почили в бозе. Парацельс раздраженно подошел к двери и резко распахнул ее. На пороге стоял пожилой священник. Лицо его явно не было знакомо профессору.

— Добрый вечер, профессор Парацельс, — изрек гость надтреснутым сиплым голосом, медленно откидывая свой черный капюшон. — Отрадно, что я вас застал дома. Впрочем, как я слышал, вы теперь вообще редко выходите. Много работаете?

— Что вам угодно, святой отец? — Парацельс не смог сдержать раздражение в голосе.

— Эликсир Жизни, конечно! — священник, казалось, был удивлен. — Не вы ли несколько дней назад сказали архиепископу, что эликсир уже готов?

Парацельс с радостью бы захлопнул дверь перед носом этого странного наглеца, но его осведомленность и самоуверенность заставила профессора забыть о былой славе вспыльчивого врача-дуэлянта, одинаково хорошо владевшего и ланцетом, и шпагой.

— Кто вы? — спросил Парацельс.

— Человек, читавший вашу книгу «Алхимический псалтирь», да и другие работы тоже, и уважающий вас, как выдающегося ученого. Впрочем, нам стоит поговорить внутри, что стоять на пороге? — с этими словами незнакомец бесцеремонно оттолкнул профессора и прошел в комнату. — Поверьте, я бы предпочел нанести вам вежливый визит, как пациент, и купить ваш эликсир, но здесь существует одна проблема. Вы уже рассказали об эликсире архиепископу, а он его получить не должен. Эликсир должен получить я. И вы его мне сейчас отдадите.

— Вы в этом так уверены? — Парацельс попытался собрать в эту фразу весь сарказм и презрение.

— Конечно. Ведь у вас нет выхода. Вы спрашивали, кто я? Я инквизитор, работающий в Зальцбурге уже много лет. Тринадцать лет назад, в 1528 году, именно я сжег тех восемнадцать ведьм и колдунов. Известное дело было, вы наверняка слышали. Хотя, может, и не слышали — ведь в том году вы сами пытались стать проповедником и странствовали где-то в окрестностях Инсбрука. Итак, объясню вам ситуацию. Ваш покровитель, архиепископ, сейчас в Страсбурге. Встречается там с Кальвином, который через три дня уедет в Женеву. Так что вам он не поможет. Уже послезавтра вы имеете возможность разделить костер с двумя протестантскими еретиками.

— И за что же вы собираетесь меня сжечь? — сарказм профессора быстро улетучивался.

— За ересь, конечно. Нам даже не придется вытягивать у вас признание пытками. У нас уже есть два доноса о том, что вы написали книгу «О природе вещей», в которой описали,

как предавались греху рукоблудия с тыквой. И с помощью этого мерзкого греха Онана хотели принизить славу Господа нашего, создав искусственного человечка силою Вельзевула. О! — священник подошел к столу. — Да вот же и рукопись этой книги! Мы вас, еретиков, сжигали и куда за меньшие грехи. Но я не любитель ходить вокруг да около, предлагаю вам сделку. Вы отдаете мне эликсир, а архиепископу, когда он вернется в Зальцбург, под видом эликсира даете яд. Постарайтесь дать что-нибудь быстродействующее. Тогда архиепископом стану я, а вы под моим покровительством сможете продолжать спокойно жить и работать. Решайтесь, профессор, другого выхода, как я уже сказал, у вас нет.

Ситуация, действительно, было серьезной. Костры полыхали повсюду, еретиков жгли массово. Католики пытались сдержать распространение протестантства.

— Ну хорошо, — промолвил Парацельс, — так и быть, ваша взяла. Он подошел к полке и взял реторту с красной жидкостью. Налил полный бокал и протянул священнику.

— Но предупреждаю вас, это очень сильное средство. Поначалу вы можете почувствовать себя очень плохо.

— Ну, профессор Парацельс, неужели вы думаете, что я так наивен! — рассмеялся тот беззубым ртом. — Испробуйте вы сначала из этой чаши, я должен быть уверен, что вы не пытаетесь отравить меня.

— Если вы сведущи в алхимии, то могли бы понять, что я не мог налить яд в реторту «пеликан», которая символизирует вечную жизнь. Впрочем, извольте! — Парацельс с презрительным выражением на лице глотнул из бокала и опять протянул его священнику.

— Вот так-то лучше, — сказал тот, осушив бокал до дна. Затем, помолчав с минуту, проговорил: — Ну а раз мы нашли взаимопонимание, то, может, вы все же удовлетворите мое любопытство?

— Что еще вам угодно?

— Ну... — похоже, первый раз за все время визита священник выглядел смущенным. — Я хотел вас спросить... Я все-таки так и не могу понять, зачем вы блудодействовали именно с тыквой...

— Ах, вы не понимаете! — взорвался Парацельс. — А с кем мне было блудить? Всех мало-мальски симпатичных женщин вы сожгли как колдуний! Остались одни карги, на которых и не встанет. Что мне еще оставалось? Как вам — мальчики из церковного хора? Уж лучше тыквы!

Профессор замолчал, тяжело дыша, но неожиданно расслабился и успокоился.

— Знаете, — уже добродушно и мечтательно продолжил Парацельс, — я подбирал две небольшие симпатичные желтые тыквы с такими маленькими хвостиками, как сосочки... Я клал эти тыквы рядышком, они так напоминали мне женские груди... А потом я понял, что женщины вообще не нужны. Что даже детей можно получить без них... Тогда я и написал: «Много споров шло вокруг того, дали ли природа и наука нам в руки средство, с помощью которого можно было бы произвести на свет человека без участия в том женщины. По-моему, это не противоречит законам природы и действительно возможно...». Вы ведь читали эту мою работу «О природе вещей»? Нет? Хотя, конечно же, я ведь ее пока еще не издал. Вы только по разным слухам знаете содержание. Давайте-ка, я вам прочитаю мой рецепт...

Парацельс взял со стола свою книгу и, как во время лекции в университете в свою бытность профессором в Базеле, продекларировал: «Если сперму, заключенную в плотно запечатанную бутыл, поместить в лошадиный навоз приблизительно на 40 дней и надлежащим образом намагнетизировать, она может начать жить и двигаться. По истечении этого времени субстанция приобретает форму и черты человеческого существа, однако будет прозрачной и бестелесной. Если теперь его еще сорок недель искусственно питать *arganum sanguinis hominis* и держать все это время в лошадином навозе при неизменной температуре, оно вырастет в человеческое дитя...»

Парацельс прервался и посмотрел на священника. Со святым отцом явно что-то было не в порядке. Лицо его посинело, язык вывалился, из груди вырывались судорожные хрипы. Хватая руками воздух, священник сполз на пол.

— Ну вот, — так же благодушно продолжил Парацельс. — Я же сказал, что вы читали мои работы невнимательно. А я ведь там совершенно ясно написал: «Все яд и все лекарство, разница лишь в дозе». Профессор положил книгу на стол и поставил обратно на полку реторту с Эликсиром Жизни. Затем в поэтическом расположении духа сел спиной к священнику за письменный стол и дописал в рукопись свои знаменитые строчки:

Все дело — в дозе, лишь один пример:
Все, что мы пьем или едим сверх меры, —
Все это ядом может обернуться...

Когда Парацельс обернулся, священник уже даже не хрипел. Он лежал на полу, изо рта у него шла пена, и лишь судорожно трясущиеся пальцы руки свидетельствовали о том, что он пока еще жив. Надо было торопиться, пока этот жалкий шантажист не умер окончательно. Парацельс прекрасно знал, что из мертвых кровь течет только в древних христианских сказаниях о загадочном сотнике Лонгине. Профессор ловко надрезал скальпелем священнику вены и успел наполнить кровью две чаши; потом кровь идти перестала — сердце незадачливого охотника за вечной жизнью остановилось.

Затем профессор поставил чаши на стол и обложил их магнитами, чтобы усилить жизненную силу крови — как раз пора было подкормить Гомункулуса, которого Парацельс уже пятый месяц выращивал в конском навозе на своем огороде.

ИСТИНА

Чудо естественно в жизни христианина. Понимаете, в церковной среде даже не принято рассказывать о чудесах. Странны не чудеса, а их отсутствие. Помните фильм «Тот самый Мюнхгаузен»? Барон составляет распорядок дня: объявить войну Англии, слетать на Луну... То есть чудеса включены в его повседневный график; таков, образно говоря, и распорядок дня религиозного человека: я иду в храм на водосвятный молебен, чтобы получить святую воду, которая будет меня исцелять и защищать, — следовательно, на это чудо у меня предусмотрено полчаса... Чудеса совершенно естественно входят в жизнь христианина.

(Диакон Андрей Кураев. О чудесах...)

(все слова барона Мюнхгаузена — дословно из книг Распе, Иммермана и Бюргера)

— Представьте себе, господа, весь ужас моего положения! Позади меня — лев, передо мной — крокодил, слева — бурный поток, справа — обрыв, который, как я узнал позже, кишел ядовитыми змеями... — барон Мюнхгаузен выдержал паузу и сделал большой глоток горячего пунша из огромной кружки.

Посетители трактира Рулендера, что в Геттингене на Юденштрассе, заинтересованно слушали рассказ. Этот трактир был любимым местом Мюнхгаузена, здесь никто не начинал сразу смеяться, как только он открывал рот, как, увы, бывало в некоторых других заведениях. Публика здесь подбиралась благодушная, и завсегдатаи искренне любили слушать замысловатые истории барона. Конечно, когда он уходил, некоторые покатывались со смеху, но никто в глаза не оскорблял Мюнхгаузена, не обвинял его во лжи, и никто здесь не называл его «бароном-лжецом». Наоборот, завсегдатаи

трактира очень любили эти «вечера барона Мюнхгаузена», как они их называли.

Барон Карл Фридрих Иеронимус фон Мюнхгаузен сидел среди посетителей в парике, во рту рассказчика торчала трубка, перед ним стояла кружка с горячим пуншем. В облаках дыма двигались его руки, как бы рисуя картины, сопровождавшие его увлекательные истории, полные свободной фантазии.

Только один человек за столиком в углу, казалось, был не в восторге от рассказов барона. Это был пастор местного прихода Готхард. Он уже час сидел в трактире в этот субботний вечер, пытаюсь понять, почему люди так наслаждаются этими занятными небылицами. Нет ли здесь какой бесовщины? Не пытается ли отец лжи пробраться в этот мир таким способом?

— Начну с обитателей Луны, — перешел к следующей истории Мюнхгаузен. — Они, как известно, не рождаются, а вырастают на деревьях. Это очень красивые деревья, с листьями телесного цвета и с большими стручками, в которых и таится будущее человечество Луны. Когда стручки созревают, их собирают и складывают про запас...

— Простите, друг мой, — тихо обратился пастор к сидевшему рядом и покатывающемуся со смеху фон Дюку, — неужели вам действительно нравится эти лживые побасенки барона?

— Видите ли, отче, — фамильярно ответствовал старый охотник фон Дюк, — эти истории меня действительно очень забавляют. Пусть они и выдуманы, как вы считаете. Но, быть может, отнюдь не все в них неправда. Вот, к примеру, я как-то раз не поверил в историю барона о страшных холодах в России, а он действительно там был, оказывается, да и потом герр Бауендаль рассказывал об этих чудовищных холодах, так что...

— Самое оригинальное, что отличает людей, населяющих Луну, от нас, — продолжал тем временем барон Мюнхгаузен, — это то, что голову они носят не на плечах, а под мышкой правой руки. Когда они отправляются в опасное путешествие, то, чтобы не рисковать головой, они оставляют ее дома...

— Нет, но вы послушайте, что он несет! — возмутился пастор. — Как это можно серьезно воспринимать!

— Да расслабитесь вы, отче, — уже сильно подвыпивший фон Дюк откинулся на кресло. — Эти истории нравятся народу, чем же они хуже любых сказок?

— Как это чем хуже? Сказки все считают вымыслом, — распалился пастор Готхард, — а здесь я просто вижу, что кое-кто принимает эти басни барона всерьез. Ведь Мюнхгаузен из столь приличной семьи, из знатного рода. Его родственник — основатель университета, его брат — серьезный ученый. А барон их позорит своими россказнями. Ну неужели никто не знает, что луна — это такое небесное тело, на которое никак нельзя забраться по бобовому стволу! Мы ведь живем в просвещенном восемнадцатом веке, не варвары какие-нибудь...

— Всем показалось, — словно уловив слова пастора, продолжал Мюнхгаузен, — будто луна скрылась из-за так называемого новолуния, между тем как в действительности это мы в Ширазе спустили ее вниз и песком счищали ржавчину, портившую блестящую ее поверхность. Ни единого пятнышка не оставили мы на Луне...

Пастор Готхард схватился за голову.

— Нет, это просто невыносимо! Каким фантастическим невежеством должен обладать человек, хоть на секунду поверивший в этот бред! А час назад, когда я только пришел в трактир, барон рассказывал, что вытащил сам себя за волосы из болота. Представьте себе! Сам себя за волосы! Если бы я сказал такое в университете, меня бы выгнали тотчас! Ведь это нарушает все известные нам законы природы. А если бы я сказал такое на проповеди? Да у меня вся паства бы разбежалась! Как люди могут в это верить?!

— Ну уж и разбежалась бы, — уже раздраженно ответил вольнодумец фон Дюк. — Разве ваш этот Авессалом, когда проезжал под дубом, и его волосы зацепились за нижние ветви, и Авессалом повис в этих ветвях на своих волосах, не нарушил законы природы? Ведь так написано в Библии?

— При чем здесь Библия? — даже растерялся на секунду Готхард.

— Вот представьте, что вас повесили за волосы, — фон Дюк внимательно оглядел тучную фигуру пастора. — Да ведь

ваш скальп с волосами так на дереве останется, или волосы вырвутся, а вот все остальное, отче, простите уж, упадет вниз.

— Да что вы такое говорите, как вы можете сомневаться в истинности Библии... — пастор даже потерял дар речи поначалу, и не смог ничего ответить богохульнику.

— Ну да ладно, пусть скальп может попасться и крепкий, но вот этот ваш Илия, взятый живым на небо, — не давал опомниться пастору охотник, — чем он хуже барона, взлетающего в небо на стае уток на веревке? Да и что более неправдоподобно — олень с вишневым деревом во лбу, или говорящая ослица? Вот я бы, например, затруднился сказать.

— Вам всем, без сомнения, приходилось слышать о папе Ганганелли, или Клименте XIV, и о том, как он любил устриц. Однажды в пятницу, когда папа во главе пышной процессии направлялся к обеду в собор святого Петра, он увидел устриц, которыми торговала моя мать... — повел тем временем Мюнхгаузен свой рассказ об устрицах.

Хотя рассказы о папе и не могли задеть лютеранина, но Готхард подумал, что ему уже пора уходить из этого проклятого безбожного места.

— Короче говоря, его святейшество провел там с моей матерью всю ночь... — продолжал Мюнхгаузен под хохот присутствующих.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся фон Дюк. — Вот в это я уж точно скорее поверю, чем в то, что Иона провел три ночи в чреве кита!

Пастор резко поднялся и направился к выходу в сквернейшем расположении духа. Он ничего не сказал безбожнику, ибо фон Дюк был слишком пьян для вразумляющей беседы. Явно здесь проявилось бесовское влияние этого Мюнхгаузена. Не иначе как барон одержим. Надо что-то предпринять, нельзя позволить ему и дальше разлагать нравы добрых христиан.

Выскочив из трактира, пастор нос к носу столкнулся с проходящим мимо Густавом Штумпфом из Гамельна, часто приезжавшим в Геттинген в связи со строительством здесь новой церкви св. Михаила. Католический священник, как всегда, хотел сделать вид, что не заметил пастора. Обычно Готхард

платил ему тем же, но сегодня был повод забыть о межконфессиональных распрях. Пастор бросился к отцу Густаву и сбивчиво рассказал о том, что отец лжи окончательно овладел отпрыском знатного рода бароном Мюнхгаузенем, и тот под влиянием дьявола смущает нелепыми баснями умы прихожан.

— Ну, мои-то прихожане храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии люди благонравные и по всяким непотребным трактирам не шляются, — с чувством законного превосходства ответил отец Густав. — И разве это как раз не есть свидетельство того, что католическая вера истинна, в отличие от ваших бесовских заблуждений? Я не удивлен, что ваши прихожане вместо богоугодного чтения евангелия проводят свой досуг в злых местах, слушая бредовые истории. Вот если бы я читал им проповеди, то они бы быстро забыли об этом трактире. Я ведь не зря слышу лучшим проповедником в городе, а послушать меня приходят даже жители окрестных деревень. И во время своей проповеди я всегда вижу в глазах людей божественное свечение истинной и глубокой веры!

Пастору вовсе не хотелось углубляться в столь привычный спор, и он молча показал отцу Густаву на дверь трактира.

— Только загляните на секунду, послушайте, что несет там этот одержимый! — чувствовалось, что пастор Готхард все никак не мог успокоиться.

— Не к лицу мне появляться в таких заведениях, — с деланным сомнением сказал отец Густав, но все же подошел, приоткрыл дверь в трактир и поморщился от табачного дыма. Публика была так поглощена историями барона, что священника никто не заметил. Барон Мюнхгаузен под одобрительный гул присутствующих продолжал рассказывать о своих приключениях на сырном острове:

— В отличие от нашего, хлеб у них растет на колосьях в виде готовых булок. Кроме молочных рек, то и дело пересекающих остров, мы за время пребывания там нашли еще около десятка рек винных...

Отец Густав резко закрыл дверь.

— Да, пастор, должен признать, что на этот раз вы правы. Хлеб на колосьях вместо булок и винные реки! Нормальному

человеку такое и в голову не придет. Это, действительно, какая-то бесовщина.

— Я же и говорю, в наш век Просвещения, когда каждый знает...

Но отец Густав не слушал его. Священника на самом деле взволновали вовсе не сами рассказы барона, о которых он был и так наслышан. Однако, заглянув в трактир, он увидел нескольких своих прихожан, а это больно ударило его по самолюбию. Католичество только начало восстанавливаться в этих местах после гонений реформаторов, и отец Густав чувствовал особую ответственность перед Господом. Именно ему, священнику единственного католического храма, надлежало вернуть многих заблудших овец в лоно истинной Церкви. Он всегда так тщательно готовился к проповедям, так убедительно доказывал людям пользу благочестивого образа жизни. А его прихожане, оказывается, проводят время, не размышляя о Господе, а сидя в грязном трактире и слушая бредни какого-то сумасшедшего. Может, даже специально приехали для этого в Геттинген. Как такое могло случиться? Что если, и вправду, этот барон одержим дьяволом? Священник мрачно посмотрел на пастора, не в силах скрыть своего раздражения.

— А еще он утверждал, что является незаконнорожденным сыном папы Климента XIV, — не преминул съязвить пастор. — Ну, это-то, вероятно, не самая неправдоподобная его выдумка...

— Возможно, у меня есть идея... — задумчиво произнес, наконец, отец Густав. — Кажется, с вами вместе в университете Геттингена учился некий Распе? Вроде, его звали Рудольф. Помните такого?

— Прекрасно помню, — удивленно ответил Готхард, — Рудольф Эрих Распе. Он был законченным жуликом. Учился наукам и филологии, неглуп, даже талантлив, но очень нечист на руку. Да он и сейчас прячется в Англии, после того, как пропала коллекция вверенных ему монет в Касселе.

— Я потому и вспомнил о нем, хотя и не знаком с ним лично... — отец Густав наморщил лоб, припоминая случайно услышанный недавно разговор, — ходят слухи, что сейчас там у него опять проблемы, какие-то аферы с рудниками.

А помимо афер он занимался в Англии литературными переводами, но сейчас оказался абсолютно без денег...

— Не понимаю, к чему вы клоните, — настороженно промолвил озадаченный пастор.

— Я бы рекомендовал вам связаться с этим вашим знакомым Рудольфом Распе и предложить ему написать книгу о бароне Мюнхгаузене, — отец Густав сделал рукой жест, предупреждая пастора не перебивать его, и продолжил. — Точнее, не книгу о бароне, а книгу, написанную от имени самого барона. Я думаю, такой подлог Распе точно не смутит, и книга может стать очень популярной. Уверен, что Распе даже зарабатывает на этом неплохие деньги. При этом надо убедить Распе не стесняться и писать от имени барона наиболее невозможные глупости и дикую чушь. Таким образом, мы просто уничтожим Мюнхгаузена. Он станет притчей во языцех, бароном-лжецом. Никто больше не будет воспринимать его всерьез, никто больше не поверит ни единому его слову. И тогда барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен из реального исторического лица превратится в потешный литературный персонаж. В посмешище для детей. В шута.

— Он и так шут, — проронил пастор.

— Но он-то об этом не догадывается. А когда все будут показывать на него пальцем и смеяться вслед, он уже не станет бегать по трактирам, а будет отсиживаться дома. Так мы и сохраним души нашей паствы от его тлетворного влияния. Для этого, конечно, книгу придется перевести на немецкий и выпустить в ближайшем издательстве.

Пастор еще ничего не ответил, но отец Густав уловил в его глазах живой интерес. Не было сомнения, что пастор Готхард почуял в идее коммерческий интерес. Ох уж эти лютеране! Всегда не против заработать, даже когда речь идет о таком богоугодном деле. Довольный своей проницательностью, отец Густав попрощался с пастором и отправился домой в Гамельн.

Прошел почти год, и отец Густав давно забыл об этом разговоре. В этот воскресный день он, как обычно, рано пришел в церковь и репетировал проповедь, написанную им накануне.

В церкви еще никого не было, и проповедник, стоя на амвоне, беззвучно шевелил губами, изредка поглядывая на толстую книгу, в которую он записывал свои воскресные проповеди. На этот раз, казалось ему, он превзошел самого себя. Проповедь о рае получилась глубокой и убедительной.

В это время к амвону робко подошел привратник и протянул священнику небольшой пакет.

— Вот, отец Густав, только что посыльный доставил от пастора Готхарда.

Священник развернул пакет. К небольшой книжке, находившейся в пакете, была приложена пояснительная записка от Готхарда. В ней пастор писал, что книга Распе была выпущена в Англии и пользуется там огромным успехом. Он же посылает Густаву Штумпфу немецкий перевод, выполненный анонимно поэтом Г.А. Бюргером и только на днях напечатанный в Ганновере. В конце письма пастор рассыпался в благодарностях, и чувствовалось, что приличный процент от издания книги он явно получил.

Отец Густав открыл книгу. На титульном листе значилось: «Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей».

Ниже было написано, что книга переведена с английского издания анонимного автора под названием: «Рассказы барона Мюнхгаузена о его удивительных путешествиях и походах в России».

Священник с любопытством полистал книгу. Рассказы о России ему не понравились. Как-то все слишком правдоподобно. Там в России, действительно, много снега, и история о том, что привязанный к бревну конь оказался на церковной колокольне, когда снег растаял, явно была вполне возможна и смущала только богохульством: как это можно было принять крест за торчащее из-под снега бревно? Священник перелистнул книгу дальше, до южных рассказов. Еще хуже: описание жителей некоего выдуманного острова наводило мысли о какой-то бесовщине. «Раз довелось мне очутиться

в Южном океане, — прочитал про себя отец Густав. — Жители острова — очень изящные существа, приблизительно в полторы сажени ростом, на трех ногах и с одной рукою. Среди лба у них высится рог...»

— Точно, дьявольщина получилась какая-то... — Отец Густав брезгливо отложил в сторону книгу, внутренне ругая себя за несправедно данный Готхарду совет, и стал настраиваться на проповедь.

Народ уже начал понемногу заходить в церковь и рассаживаться по скамьям. Когда паства, наконец, расселась, священник окинул овечек Божиих глубокомысленным взглядом и густым голосом начал свою речь:

— Сегодня мы поговорим о чудесах, описанных в Библии. И о том, как эти чудеса предвещают нам рай, а неверие в них устилает нам путь в ад. Именно трудность принятия чудес как Божественной истины может погубить ваши души. В этом и есть лукавство сатаны, лишшающее вас веры и заставляющее вас тщетно надмеваться плотским умом, не угождая Богу и не благословляя себя. Как вы знаете, свои проповеди Христос часто подкреплял различными чудесами: усмирением бури, многочисленными исцелениями неизлечимо больных. Чудеса есть свидетельства того, что Небо становится ближе. Чудеса есть знак соприсутствия, встречи, не одиночества. Путь к встрече пролегает не через чудеса, но чудеса оказываются на церковном языке знамениями того, что эта встреча состоялась. Каждая наша молитва — это молитва о чуде. А сколько свидетельств таких чудес дает нам Библия! И мы знаем, что истинно все, описанное в ней, поскольку Библия — это вдохновенное Слово Божье. Библия была написана два тысячелетия назад, и в ней заключена вся мудрость мира, все законы бытия. И если Библия — это то, чем она себя называет, то есть Божье Слово истины, тогда у нас есть веские основания верить в чудеса, о которых в ней рассказывается. Отрицать чудо, как нечто неестественное и невозможное, и признавать чудеса только как дело слепой противоразумной веры значило бы посягать на чистоту и полноту Божественного откровения, что, к сожалению, позволял себе

ослепленный самолюбием философствующий разум. Мы же знаем, что в чудесах Божественный Промысел проявляется особым образом. Вспомним для начала о чуде насыщения народа пятью хлебами. Это единственное чудо, совершенное Христом, которое упоминается всеми евангелистами. Можем ли мы представить себе насыщение пятью хлебами пяти тысяч людей? Нам это трудно, ибо ложный человеческий разум противится принятию Истины. Но это не должно отвращать вас, ибо даже сами ученики Господа нашего сомневались в том. И в ответ на недоумение учеников, как это можно накормить пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, Иисус Христос взял пищу в руки и, посмотрев на небо, благословил ее, разломил и дал ученикам, а ученики раздавали народу...

Отец Густав сам очень любил свои воскресные проповеди. Он всегда готовился к ним тщательно, записывал всю проповедь и даже репетировал. Это воздавалось сторицей. Ему доставляло истинное удовольствие наблюдать за прихожанами, за тем, как усталые и погруженные в свои заботы люди постепенно проникались философской мудростью его речей, и их отрешенные поначалу глаза постепенно зажигались светом понимания и веры. К концу проповеди они всегда восторженно смотрели на отца Густава, боясь пропустить хоть слово. В такие моменты священник чувствовал, что мог бы составить конкуренцию самому Бурдалу. Потешив себя сравнением с легендарным проповедником, отец Густав продолжил:

— И если вы, дети мои, не уверуете со всей силой в истинность этих великих чудес, то гореть вам вечно в аду огнем неугасимым! Ибо Господь любит вас. И я еще раз скажу вам: верить в Истину надо со всей силы, всю душу свою грешную посвятить вере. По неоспоримым свидетельствам Макария Египетского даже в аду грешники страдают по-разному, в зависимости от веры своей. Ибо вы уже слышали слово Божие, и теперь должны соблюдать его, с вас и спрос больше. Как было сказано Макарию Великому — те, которые познали Имя Божие, но отверглись Его и заповедей Его не соблюдали, те терпят еще более тяжкие муки в великом огне ада. Ничтожный дикарь, не знающий Слова Божьего, будет

страдать в аду менее, чем вы, слышавшие, но не уверовавшие, знающие, но не следующие. Эта великая Истина, не оставляющая никаких сомнений, открыта была преподобному Макарию, получившему за свои пустынноческие подвиги от Господа такую силу, что мог воскрешать даже мертвых. С умершими преподобный разговаривал точно так же, как с живыми. И когда Макарий шел по пустыне, ведомый Духом Святым, то об этих тайнах ада ему поведал говорящий череп. А свидетельство Говорящего Черепа, произнесенное по промыслу Божию, как может быть не истинно? Как после этого чуда можно не уверовать всей душой в мудрость Господа нашего? Посему остерегайтесь хулящих имя Его и не видящих Господа, грядущего во славе своей...

В это время отец Густав заметил, что церковный служка делает ему какие-то знаки руками, пытаясь привлечь его внимание. Священник досадливо поморщился. Вероятно, случилось что-то серьезное, поскольку все знали, что отец Густав терпеть не мог, когда его отрывали от проповеди. Сначала проповедник хотел сразу спуститься и выяснить причину беспокойства, но решил перед этим перейти к рассказу о рае, чтобы его прихожане не потеряли нить рассказа.

— Посему, дети мои, ежели уверуете вы в чудеса Господни всей силой, отрехшись от заблуждений разума, то ад не грозит вам, но встретит Господь вас в небесных обителях своих, и будете вечно пребывать в раю. Ибо дано будет верным уготованное Богом от начала мира место, где обитают души праведников и святых после земной смерти и до всеобщего воскресения. И будете в раю, не зная ни болезней, ни печалей, ни воздыхания, ощущая одно лишь непрестанное радование и блаженство. Каков же этот рай небесный, обитель благодати, или первое небо, где обитают души праведников, дано ли нам предвиденье? Да, имеем мы такое свидетельство от святой Перпетуи, которая мученически погибла, будучи растерзанной огромной и свирепейшей коровой, посланной сатаной. Святая мученица описывает нам рай небесный как обширный прекрасный сад, наполненный дивными деревьями, благоухающими цветами и чудно поющими птицами...

Отец Густав блаженно закатил глаза и в то же время краем зрения уловил слезы радости и надежды у некоторых прихожан. Проповедник аккуратно заложил страницу своей проповеди и склонился с амвона к поджидавшему его остиарию.

— Отец Густав, там ваша корова на соседней улице забодала кузнеца насмерть, — прошептал привратник. — Он, конечно, сам пьян был... Но вам надо срочно подойти туда. Там народ собрался.

— Но нельзя же из-за этого бросать проповедь на половине! — горестно прошептал отец Густав, раздосадованный таким явным проявлением козней сатаны. — Какой там еще народ собрался? Весь богоугодный народ в храме, а не по улицам шастает...

Отец Густав расстроился не на шутку. Первый раз за все время служения ему приходилось прерывать проповедь. Только ему удалось зажечь вдохновенной речью прихожан, так теперь из-за какой-то скотины... Да и корову тоже жалко, с ней-то что случилось? Проповедник склонился еще ниже и прошептал остиарию:

— Вот что мы сделаем. Я сейчас быстро схожу и вернусь, а ты пока почитай дальше проповедь о рае из моей книги, начни с новой заложеной страницы. Ты ведь давно хотел стать чтецом вместо покойного Херстера? Этот опыт приблизит тебя к возможности принять священный сан со временем.

— Да, отец Густав, я уже много месяцев каждый день тренируюсь в чтении! — радостно прошептал остиарий, давно мечтающий о небольшом повышении, но уже начавший терять надежду. — У меня все прекрасно получится!

— Сейчас, дети мои, я должен отлучиться ненадолго, ибо таков промысел Господень, — обратился священник к пастве, — а наш новый чтец прочтет вам описание истинного рая, которое я для вас подготовил по свидетельствам святых мучеников...

Отец Густав сделал драматическую паузу, изобразил на своем лице покорность промыслу Господню и сошел с амвона.

— Сутану не забудь одеть! — шепотом предупредил остиария отец Густав, быстро идя к выходу.

Минуту спустя чтец в черной сутане степенно взошел на украшенный мозаикой и резьбой амвон, взял лежащую там книгу и открыл ее на заложенной странице. «Когда же это отец Густав успел напечатать свою проповедь?» — удивился было чтец, но быстро подавил лишние сейчас мысли, сосредоточился и стал зачитывать проповедь хорошо поставленным и проникновенным голосом:

— В отличие от нашего, хлеб у них растет на колосьях в виде готовых булок...

Паства внимательно слушала чтеца, затаив дыхание. В глазах у прихожан привычно засветились огоньки истинной и глубокой веры.

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько.

(Мф. 26:74-75)

— Да в жизни я не видел этого человека, Господь мне свидетель! Небом клянусь и головою своею! — уже в третий раз побожился Петр. Вдруг он вспомнил о пророчестве и испуганно прислушался. Петух не пел. Петр подавил в себе возникшее было желание бежать, куда глаза глядят, и стал себя уговаривать, что он все делает правильно. Нет, отказ от Христа — не отречение, это лишь хитрый ход. Вот если бы петух запел сразу — это было бы недоброе знамение. А раз молчит — то все в порядке. Ведь на нем, Петре, как на камне, Иисус должен построить Церковь свою. Главой земной Церкви поставлен именно он, Петр. Ему доверены ключи Царства Небесного. Разве может он рисковать этой великой миссией, разве может подвести равви, не выполнить свое предназначение, заповеданное им? Наоборот, признать сейчас свою связь с Иисусом — это и есть отречение от всего того, что он должен сделать во исполнение наказов, это предательство Господа.

Успокоив себя этими нехитрыми софизмами, Петр облегченно вздохнул и не стал никуда уходить. Это была его ошибка. Уже через несколько минут он снова услышал шепот служанки первосвященника:

— Точно вам говорю, этот человек был с Иисусом галилеянином!

На этот раз Петр даже не успел обернуться, как несколько охранников первосвященника схватили его.

— Смотри-ка, у него меч под одеждой! — воскликнул стражник, начавший обыскивать Петра. — А не ты ли, разбойник, отсек ухо рабу первосвященника? Так и есть, меч в крови!

— Что же никто не поймал этого злодея сразу? — гневно спросил подошедший первосвященник. — Он отрубает уши моим рабам, а его даже задержать на месте не смогли? Есть ли этому оправдание у слуг моих?

— Их оправдание в подлости этого трусливого преступника, посмевшего поднять свою нечестивую руку на раба твоего, — почтительно ответил начальник стражи. — Злодей выскочил из-за кустов, напал на раба твоего Малха сзади, отрубил ему ухо и скрылся в темноте. Его даже не успели заметить.

— Забить камнями этого разбойника! — закричали все вокруг. — Смерть ему!

— Нет, лучше распнем этого злодея вместе с галилеянином!

— Распять его! — шумела толпа. — Варавву отпустить, а этого разбойника распять!

Петр в ужасе посмотрел на небо, которое вдруг затянулось свинцовыми тучами. И грянул гром.

Несколькими часами раньше в доме недалеко от дворца первосвященника молодая жена ждала своего супруга и задремала. Муж в этот вечер пришел домой позже обычного. В руках он держал жирного петуха.

— Смотри, дорогая, что я поймал около дома! Битый час за ним гонялся. Птица в Иерусалиме редкая, запрещенная, сбежала, наверное, от римлян из крепости Антония. Вот какой сегодня день удачный, даже на еде можно сэкономить, сама в дом пришла. Затуши-ка, жена, его на ужин.

— Пока я ждала тебя, мне приснился страшный сон, как будто мы вступили в какую-то секту. А потом главный жрец по имени Петр убил нас в наказание за то, что ты решил не отдавать ему все свои деньги. Ох, погубит нас эта твоя жадность когда-нибудь, — укоризненно покачала головой Сапфира.

— Может, погубит, а может, и спасет. Откуда нам знать? Неисповедимы пути Его, — философски рассудил Анания и свернул петуху голову.

ДЕСЯТОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Отец Ферапонт выглянул из-под крыши автобусной остановки и вгляделся в крошечную темень. Шоссе было пустынно. Лишь вдалеке сквозь пелену дождя пробивался желтый свет фар. Это явно был не долгожданный автобус. Промокший Ферапонт сплюнул под ноги и вполголоса пробормотал что-то богохульное. А вдруг автобуса вообще больше сегодня не будет? Вот ведь сила нечистая, что понесло его в эту проклятую деревню? Как теперь домой вернуться?

Поравнявшийся с остановкой джип вдруг резко затормозил и остановился.

— Господи Иисусе, сохрани от разбойников! — испуганно прошептал Ферапонт и перекрестился. Переднее стекло у джипа опустилось, и у священника отлегло от сердца: за рулем он разглядел отца Сергия, с которым вместе прочился пару курсов в семинарии.

— Ферапонт, ты ли? — радостно воскликнул отец Сергий. — Сколько лет, сколько зим! Садись, подвезу. Куда путь держишь?

Обрадованный Ферапонт забрался в машину и рассказал, что возвращается из деревни Малые Хмыри, куда ездил посмотреть небольшой участок, который недорого продает отец Серафимий. А сам отец Серафимий там жить уже давно боится.

— Чего это он боится? — удивился отец Сергий.

— Бесов боится. Не нравится мне, говорит, это место, чую, что бесовщина там, но обосновать не могу.

— Бесов? — расхохотался Сергий. — Слаба, стало быть, вера у Серафимия. Если веришь в Господа всем сердцем и всем разумением своим, то никакие бесы тебе уже не страшны, как бы они тебя соблазнить ни пытались. Только глубокая вера дает от них свободу

Теперь настала очередь удивиться Ферапонту. Он недоверчиво посмотрел на отца Сергия.

— А ты-то, Ферапонт, не потерял еще веру? — все так же весело спросил Сергей. — Как вообще служба твоя протекает, где паству окормляешь?

— Ох, несладко... — горестно вздохнул Ферапонт. — ОПК я в школе преподаю. Наказание одно с этими детьми, сил моих не хватает. Я и так, и сяк пытаюсь... Не получается ничего. Послал мне Господь испытание нелегкое. Боюсь даже веру потерять. Ведь безбожников много кругом, а они тоже по образу и подобию Его. И доказательств требуют. Не хотят без них верить. Как тут самому не разувериться?

— В вере он боится разувериться! — опять рассмеялся отец Сергей. — Да от бесов сомнения все твои. И от излишнего мудромыслия. Помню, ты еще в семинарии все доказательства существования Господа в конспекты записывал. А зачем? Да потому что вера твоя слаба. Только уверуй все душой своей, положишься на промысел Божий — и все пойдет как по маслу.

— Неисповедимы дела Господни! — еще больше удивился отец Ферапонт. — Разве не ты был среди нас самым безбожным, тебя ведь даже за это отчислить хотели? А вот вернул Он тебя в лоно Свое!

— Не говори, Ферапонт, уверовал я искренне, — серьезно подтвердил отец Сергей. — А сомнения были поначалу от мудрствования лукавого. Как и тебе, доказательства существования Божьего мне покоя не давали. Неубедительные они. Вот Фома Аквинский пять основных доказательств написал — а явился Кант и вверх богословов в сомнения. Ансельм еще четыре доказательства представил — а его же ученик монах Гаунило над ними издевался. Да и Кант тот же... Многие еще разных доказательств напридумывали, но о тех уж и говорить стыдно, раз даже девять основных сомнительны. Но теперь-то у меня вера крепка, дал мне ее Господь. И Ансельм мне в этом помог.

Ферапонт посмотрел на Сергия одновременно уважительно и вопросительно.

— Помнишь его доказательство? — спросил отец Сергей.

— А как же, помню. Знаменитое онтологическое доказательство Ансельма «*Et certe id quo maius cogitari nequit...*» и на меня произвело в семинарии сильное впечатление.

— В одном Ансельм был прав — действительно, существует то, больше чего нельзя себе представить, и есть вещи, о которых просто невозможно помыслить. Но это не сам Бог. Впрочем, именно онтологический аргумент раскрыл мне глаза на основное доказательство существования Божьего, о котором нам в семинарии никто не говорил. Но Господь дал мне знак, и я нашел его! Доказательство, которое невозможно опровергнуть! Десятое доказательство. Вот так я во Всевышнего и уверовал окончательно.

Машина резко затормозила на перекрестке.

— А не заехать ли тебе ко мне в гости, Ферапонт? Я тут как раз неподалеку домик прикупил. Он еще не доделан, но первый этаж уже вполне жилой, бильярдная только не еще закончена. А домой уж завтра поедешь, утро вечера мудренее. Заодно и надоумлю тебя, как в Бога веры не терять.

Отец Ферапонт благодарно кивнул. Сергей резко вывернул руль, и джип съехал на незаметную проселочную дорогу. Через двадцать минут пара симпатичных послушниц уже накрывали на стол в небольшом кирпичном двухэтажном особняке.

— Надо тебе, Ферапонт, завязывать с этим ОПК. Дело оно, конечно, нужное, но пусть этим молодежь зеленая занимается. На сих хлебах ты ноги протянешь. Свой храм надо строить, — поучал отец Сергей, разливая водку по стаканам и нарезая балычок. — Тогда и начнет кормить тебя Господь, как птиц небесных, по словам его. И тогда ты веру уже не потеряешь. Всегда слуги антихриста пытались погубить веру. Одни расколы чего стоят. Скольких пришлось пожечь да изничтожить за то, что сатана заставлял их двумя пальцами креститься, да поклоны бить земные, а не поясные. Но вера все равно осталась сильна. И во всех странах христианских сатана лукавый хотел победить. Но напрасно. Что только ни делали соблазненные бесами люди, чтобы разуберить народы в Господе! И ведь отнюдь не только атеисты. Часто и искренне верующие, обманутые дьяволом, пытались поколебать устои веры. Не по сатанинскому ли наущению они печатали Библию, чтобы люди, некрепкие верою, прочитали ее и порвали с религией? Но зря по этому поводу

выходили постановления нескольких католических соборов, запрещавшие читать Библию, а за попытки издать ее казнили еретиков. Зря в Англии прочитавших Библию сжигали вместе с ее копиями, привязанными к шее, и заставляли детей поджигать костры, на которых сжигали их родителей, обучавших их молитвам и десяти заповедям на английском языке. Зря митрополит Филарет, в ужасе от того, что Библия может быть напечатана, писал в своем негодующем письме в Святейший Синод о том, что *«последствия перевода Священного Писания на русский язык будут прискорбнейшими для матери нашей православной церкви»*, ибо *«тогда весь православный народ перестанет посещать храмы Божи!»* И в испуге поддерживали его другие священники, боясь перевода Библии на русский язык и считая, что *«умеренная темнота сего слова не омрачает истину»*. Но Слово Божие напечатали, а Господь не только сохранил веру наших овечек, но и преумножил ее! Зря боялись!

Отец Сергей говорил и говорил. Он порассказал о христианстве таких вещей, что у отца Ферапонта зарделись уши — он такого маразма даже не мог представить. Через полчаса его уже начало подташнивать. Отец Сергей налил в стакан еще водки и продолжил:

— Но вера никогда не уменьшалась. Соблазненные сатаной «просветители» на Западе писали мерзкие книги о наших святых. Они насчитали в церквях десять голов св. Вильгельма и 63 пальца св. Иеронима. Они убедились, что количество хранимой в десятках храмов обрезанной крайней плоти Христа шло на километры. Богохульники смеялись над тем, что в 1742 году в Антверпене было основано Братство Высокосвященной Крайней Плоти Господа Нашего Иисуса Христа. Сыны погибли глумились над десятью туловищами Иоанна Крестителя и над количеством его указательных пальцев. Они издевались над мощами прокукарекавшего Петру петуха и над тысячью гвоздей, которыми был распят Спаситель. Они мерзко хихикали над тем, что среди святых мощей, хранимых в церквях, есть три целых Игнатия, хотя его съел лев. В России безбожные большевики вскрывали раки с мощами святых

и находили там вместо мощей только тряпки, вату, картон и глину. Они снимали это на кино пленку и показывали в клубах. Не отставали и зарубежные разоблачители, глумясь над святынями. Обугленные кости св. Жанны д'Арк оказались скелетом кошки, а целительные мощи св. Розалии — останками козла. Но умерла ли вера? Нет, вера не поколебалась, наоборот, расцвела с еще большей силой! Разве сейчас смущает овечек наших поклонение Пням Богородицы? Разве смущает их целование стены с Ликом Спасителя?

Отец Сергей торжественно вытащил из-за пазухи толстый кошелек с золотым тиснением и с довольным видом бросил его на стол.

— Вот оно — десятое доказательство! Видел бы ты, как прихожане отремонтировали мой храм! На месте старого деревянного почти сарая, прости Господи, они за свои средства выстроили мне новую красивую церковь. А уже потом они собрали мне деньги на машину и на этот скромный дом. Это ли не доказательство существования благодати Божией? Не доказательство промысла Его? Неужели это случайность, что верующие люди веками не замечают абсолютно ничего из того, о чем я тебе говорил? Могут ли они быть сами по себе настолько наивны? Ведь несмотря на все упомянутые мной происки дьявола, на все атеистические разоблачения, эти овцы все равно несут свои деньги в наши храмы! Можно ли объяснить это рационально? Можно ли представить себе что-нибудь глупее этого? Нет, это просто невозможно помыслить! Следовательно, Господь воистину существует!

ХУЛА

Великий Инквизитор со светильником в руке медленно вошел в тюрьму и запер за собой дверь. Он остановился при входе и долго, минуту или две, презрительно всматривался в изможденное пытками лицо отца Ферапонта. Затем Инквизитор подошел ближе и затянул испанский сапог еще на пол-оборота.

— Не виноват я ни в чем, я все делал лишь для славы Господней! — взвыл Ферапонт. — Я сам всегда обличал еретиков!

— Жалкий слуга князя лжи! — разгневался Великий Инквизитор. — Ты так и не раскаялся в своей ереси, богохульник! Не ты ли клеймил позором в своих проповедях тех невинных овечек наших, которые критикуют нас, служителей Господа?

— Но что я делал не так? Они с ненавистью отзывались о нас, называли некоторых наших священников бесчестными!

— Разве Господь наш не говорил: *«Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого»?* (Лк. 6:22) Значит, это сам сатана внушил тебе лишить братьев твоих блаженства испытания ненавистью, и задумал ты в злобе своей, презрев слова Господа, погубить мать нашу святую Церковь. Слова твои — это хула и навет на чистых и честных людей, сораспавшихся Христу в сердце своем. Но и этого показалось мало тебе, ничтожество, и ты осмелился возвысить глас свой против неверующих!

— Но ведь атеисты вообще ругают священников, злословят.... — прохрипел Ферапонт.

— Сам сатана говорит твоими лживыми устами, скрывая, что то вершат они в благое испытание нам! Разве Господь словами Матфея не указал нам, недостойным: *«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно*

злословить за Меня»? (Мф. 5:11) Но ты не поверил Господу, проклятый еретик, забыл, что *«у Бога не останется бессильным никакое слово»* (Лк. 1:37).

— Но атеисты говорят, что верующие не в своем уме и оскорбляют нас этим! — попробовал возразить Ферапонт, опасливо покосившись на винт испанского сапога. Однако Великий Инквизитор настолько поразился глубине ереси этого антихриста, что даже не стал усиливать пытку.

— О, слепец! — воскликнул Инквизитор. — Воистину дьявол завладел твоим умом. Тем атеисты по промыслу Господню только благословляют нас. Разве не сказано в Евангелии от Иоанна, что люди считали Иисуса сумасшедшим и *«Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете его?»* (Ин. 10:20). Разве не ясно, что неверующие, по замыслу Его, сомневаясь в умственном здоровье христиан, таким образом только оказывают верующим великую честь, как бы сравнивая нас с самим Христом? И разве это не истинно, разве не должны мы быть *«безумны Христа ради»*? (1 Кор. 4:10)

— Но они бесчестят нас своими речами...

— За Отца нашего Небесного бесчестят! — в отчаянии вскричал Инквизитор. — Сами Апостолы *«пошли из синагог, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие»* (Деян. 5:41). Удостоились! А ты, еретик, смеешь не радоваться тому?! Разве не лестно нам стать *«позорищем для мира, для Ангелов и человеков»* (1 Кор. 4:9), каковым считал себя сам святой Павел?

— Но атеисты говорят о нас плохо и считают нас больными! — уже почти безнадежно взвизгнул Ферапонт.

— А кто же мы, богохульник?! Как смеешь ты сомневаться в словах Его? К кому пришел Спаситель? Неужели к здоровым? Разве не говорил Он о тех, кого пришел спасать: *«не здоровые имеют нужду во врачах, но больные»*? (Лк. 5:31). Разве не учил: *«Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!»* (Лк. 6:26).

Ферапонт не нашел, что ответить и только замычал в ответ.

— Прегрешения твои тяжки, — веско проронил Инквизитор. — Но Господь все равно любит тебя.

В глазах Ферапонта затеплилась надежда. Инквизитор склонился над ним и стал откручивать винт.

— *«Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю»* (От. 3:19) — так издревле учил Господь, а Он любит тебя, — почти ласково продолжил Инквизитор.

Ферапонт насторожился.

— Мы не обличаем и не судим тебя, ибо сие в Его только власти, как сказано: *«Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить; а ты кто, который судишь другого?»* (Иак. 4:12). Нам же надлежит лишь очищать здоровый организм Церкви от насланных дьяволом паразитов. Это просто вопрос духовной гигиены. Дабы болезни не разъедали Церковь — Тело Его. Да будет исполнено все по словам Господа: *«всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится!»* (Мф. 15:13)

Великий Инквизитор направился к выходу, бросив по дороге палачу:

— И проследи, чтобы на дрова вылили семь ведер воды! Будем милосердны — пусть мерзкий богохульник лучше готовится к своей встрече со ждущей его геенной огненной, с пеклом адским!

— О, Великий Инквизитор! — взмолился Ферапонт. — Я раскаиваюсь всей душой! Никогда, никогда не буду я больше проповедовать против критиков Церкви! Никогда мой язык не произнесет дурного слова против неверующих!

Инквизитор обернулся, пристально посмотрел с минуту на Ферапонта и удивленно покачал головой.

— Чудесны дела Господни! Я действительно слышу, наконец, истинное раскаяние в твоём голосе. Что ж, это знак Господень, и мы помилуем тебя. Жаль только, что не сможешь ты исполнить свои слова и научиться управлять своим языком, ибо знаем слова апостола Иакова: *«язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда»* (Иак. 3:8), а писание никогда не ошибается. Но мы поможем тебе сдержать обещание. Поможем

сдержать твой язык, дабы не произносил он больше мерзкие речи против ругающих нас и против безбожных. Ибо если нельзя укротить, то можно укоротить.

Инквизитор дал знак, и Ферапонт краем глаза заметил, как палач достает из камина огромные раскаленные щипцы...

Отец Ферапонт проснулся в холодном поту, перекрестился и посмотрел в окно. Светало, пора было идти в школу. Кошмары уже давно снились отцу Ферапонту перед каждым уроком ОПК. А ведь сегодня он как раз хотел рассказать первоклашкам о новом законе РПЦ о публичном богохульстве и клевете в адрес Церкви. И вдруг отец Ферапонт почувствовал, что не может произнести ни слова, а язык его онемел. Христос с иконы укоризненно смотрел на него.

ПОСЛЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Кардинал Най поправил на голове священную Красную Шапочку, обвел взглядом паству и, убедившись, что все внимательно слушают его, громким голосом продолжил воскресную проповедь.

— Дети мои! Как Спаситель наш возлюбил вас, так и мое сердце открыто для тех, кто услышал призыв Его. Священная борьба со злом потребует от подрастающего поколения много сил. Ибо много еще на земле тех, кто в слепоте своей хулит нашего Спасителя. Не секрет, что существуют еще так называемые эволюционисты, которые утверждают, что мы изменились в результате непонятной деятельности Сынов Божиих. Но это не так. Нет на свете никакой «мутации», как они это называют. Напрасно надмеваются хулители плотским умом своим! Напрасно лгут они и порочат Церковь своими нелепыми выдумками. Святая Церковь Спасителя никогда не отрицала того, что мы изменились. Да, Святые Отцы учат нас, что раньше мы жили в раю, мы были вегетарианцами и имели вечную жизнь. Но мы согрешили против воли Создателя и стали смертны в наказание за грехи наши. И теперь только праведной службой Ему сможем мы искупить нашу вину. Только те, кто преуспеет в кротости, сможет войти в узкие двери Храма Небесного и обрести Жизнь Вечную.

Все вы знаете предания о том, как наши предки отправлялись в первые Походы в Гоморру Огненную — туда, где когда-то жили Сыны Божии. Но согрешили Сыны против Отца своего. И тогда Господь, в милосердии своем, чтобы спасти их души, обрушил на их города реки огня и серы и стер их с лица земли. И стали эти некогда благословенные места страшным местом — Мертвой Землей, где невидимые бесы вселяются в тех, кто приходит туда. И эти бесы убивают пришельцев. Наши предки рисковали жизнью, чтобы принести оттуда крупницы знаний. Они хотели понять, кто мы и откуда

пришли в этот мир. Не многие выживали после этих Походов, но они погибли не зря — только благодаря их самоотверженности мы вернулись в лоно Его. Ибо принесли эти мученики из смертоносной Гоморры отрывки Святых Писаний и восстановили истинную веру, которую до того скрывал от нас диавол, отец лжи. К сожалению, полные Священные Тексты были утрачены, и у нас есть лишь девяносто семь полуистлевших страниц из разных Святых Писаний, над расшифровкой которых лучшие богословы бились несколько столетий.

Много было споров, многие за эти долгие века были соращены диаволом. Одни говорили, что у нас слишком мало отрывков Писаний, и мы не сможем полностью восстановить картину, о которой там повествуется. Эти жалкие маловерующие не могли своим скудным умом понять, что сила Откровений Святых Отцов, донесенная нам Святыми Преданиями, восполняет нехватку Священных Текстов. Ибо видения им посылал сам Господь. Но враги Его не унимались. Дошло до того, что некоторые еретики, соблазненные диаволом, пытались утверждать, что Геенна и Гоморра — это разные места. А другие даже смели намекать, что не все найденные тексты — священные. Да, как ни трудно в это поверить, они осмеливались утверждать такое! Они даже говорили, что Том Соьер — это не апостол Спасителя, чем глумились над древним церковным таинством Покраски Забора. А некоторые высказывали сомнения в том, что бабушка праведника Ионы могла выжить три дня и три ночи в чреве диавола в образе волка. В ослеплении своем они не понимали, что никто не может создать никаких других текстов, кроме как прославляющих Господа. Ибо как бы еще могли появиться на благословенных белых листах Писания столь ровные нерукотворные буквы, как не по прямому велению Его? А сами листы? Разве похожи они на березовую кору, на которой мы пишем? Это и есть явленное Чудо Господне. Страшно представить, до чего мог бы еще додуматься диавол и сколько душ он смог бы еще погубить, если бы мы вовремя не ввели Святую Инквизицию, остановив распространение заразы.

Но враги Церкви не сдавались. Тогда мы схватили группу еретиков, утверждавших, что Иисус Навин и Иисус Назарянин — это разные Сыны Божии, а Золотая Рыбка не помогала апостолам накормить страждущих пятью хлебами. Мы сожгли этих мерзких богохульников во славу Господа, и остальные еретики испугались и бежали из нашего Царства. Ходили слухи, что они поселились в долине за Священной Горой. Долгих два столетия мы не слышали о них ничего. Мы уже были уверены, что они давно жарятся в аду, но диавол оказался хитрее. Теперь мы знаем, что эти еретики живы и все еще пытаются обмануть нас и погубить наши бессмертные души. Несмотря на то, что вам, дети мои, запрещено общаться с ними под страхом смерти, за чем внимательно следит Инквизиция, иногда до нас доходят странные слухи. Так, во время пытки, соращенный диаволом Нуи признался, что побывал у еретиков в их логове. От Нуи, пока он еще не умер на дыбе, мы узнали, что эти богохульники выдумали странные слова «мутация», «эволюция», «наука», за которыми нет никакого смысла. Все это ересь и порождение фантазии диавола. Вот с чем нам предстоит нам бороться, дети мои! Теперь, когда мы, с Божией помощью, изобрели порох, негоже нам терпеть существование этих мерзких слуг диавола, ибо это оскорбляет Господа. Мы объявляем новый Великий Поход! Теперь, наконец, мы сможем их уничтожить! Да предаст Господь нам силы возвести этих еретиков в смерть огненную во славу Его! Да вознесем мы этим огнем приятное благоухание Господу! Ибо настал конец диавольской лжи.

Вы также знаете, дети мои, что славен век нынешний не только сниспосланным нам порохом, но и тем, что нашим богословам удалось окончательно расшифровать древний Священный Язык Сынов Божиих. Теперь даже еретики не посмели бы утверждать, что Откровение о потопе, которое получали во сне такие Святые Отцы Церкви, как великий Ней, было не истинно. Тексты однозначно свидетельствуют, что Спаситель приходил в этот мир с целью защитить нас от потопа, низвергнувшегося с небес за нашу греховность. Об этом свидетельствует отрывок Неизвестного Евангелия,

который нашел в Гоморре святой отец Ний. Отец Небесный, возгневавшись на наше греховное поведение, отверз хляби небесные и хотел утопить весь наш род, но потом проникся жалостью и послал к нам Спасителя. Ибо жил в те времена праведник Ной, заслуживший прощение Господа. И снизошел Спаситель на грешную землю, и спас от потопа избранных. И заповедовал им плодиться и размножаться.

Так поклонимся же нашему Спасителю! Да благословит он нас на святую борьбу! Аминь!

При этих словах все зайцы-мутанты, прикрыв глаза ушами, распростерлись ниц перед огромной глиняной статуей Деда Мазая.

МЕСТЬ

Ниндзя с мечом за спиной стоял на пятом этаже семиэтажного строящегося дома и смотрел вниз сквозь прорезь в маске. Опытный взгляд, правда, заметил бы, что большая квадратная цуба меча, украшенная изящной отделкой, намекала на подделку, сделанную по фильмам о ниндзя, и скорее всего, в ножнах была не катана, а бокуто — деревянный тренировочный меч. Тем не менее вошедший в роль ниндзя Алик довольно ловко перепрыгнул на соседнюю крышу старого здания, переделанного в офисный центр, и легко пролез в слуховое окно. Кровельщик Слухов, делавший, как гласит легенда, в XIX веке специальные окна на чердаке во избежание деформации крыши, на проникновение ниндзя не рассчитывал. Дверь на чердак была не заперта. Ступая по кошачьи, ниндзя спустился на два этажа и подошел к нужному офису.

Украденная карточка доступа сработала, замок весело щелкнул. На это Алик и надеялся, иначе бы пришлось отжимать хлипкую дверь. Стальная дверь была только в бухгалтерии — никто не думал, что кому-нибудь придет в голову лезть в кабинет к начальству, где даже сейфа не было — но остались бы следы проникновения, а это не к чему. Алик прошел в кабинет коммерческого директора и направился к прозрачному бару-холодильнику.

Через две минуты он вышел в коридор, злорадно ухмыляясь, и аккуратно закрыл за собой дверь. Кажется, у него все получилось

Алик не знал, что с момента его увольнения фирма подписала договор с вневедомственной охраной. Машина группы задержания ОВО как раз проезжала поблизости, когда пришел приказ с пульта централизованного наблюдения проверить объект. Алик заметил милиционеров только на первом этаже.

— Ого, никак ниндзя! — удивленно пробормотал усатый сержант, выхватывая пистолет. Алик рванул вверх. На втором

этаже он сообразил, что обратно с крыши, если его туда загонят, ему не уйти. Единственный шанс — окно. Алик с разбегу врезался в стекло. Ему не повезло, пуля достала его еще на подоконнике. Алик упал прямо на милицейские жигули, сломал руку и скатился прямо под ноги стоящему рядом водителю.

— Ниндзя принят, — сообщил милиционер в рацию, поставив сапог на шею Алика, но быстро убрал ногу, увидев, что клиент и так еле дышит. — Вызываю скорую...

— Да, уволен! — коммерческий директор компании Николай Подгородный не скрывал своей радости. — Сколько можно терпеть все эти твои задвижки!

— Но вы сами назначили меня начальником отдела, — непонимающе глядел на шефа Алик.

— Да, поначалу я сам думал, что это юмор у тебя такой. Когда я впервые увидел заказанную тобой новую упаковку для нашей соли с надписью «Не содержит ГМО», я принял это за логичный коммерческий ход. Все мы знаем, насколько потребители идиоты, и такое название было вполне оправдано. И действительно продажи соли возросли на 15 процентов. Вот я и сделал тебя начальником отдела. Но я и подумать не мог, что ты относишься к этому серьезно! Я считал эти твои эзотерические феньки игрой или, по крайней мере, личной блажью, которая нашу фирму не должна заботить. Все эти твои разговоры об увлечении магией, о памяти воды, о пользе биодобавок и гомеопатии — твое личное дело, лишь бы на работе не сказывалось. Никто не возражает, если на обеде ты рассказываешь сотрудникам о тайне пещер самадхи и прочей шелухе. Я-то думал, что тебе просто нравится вешать людям лапшу на уши. Даже твоя новая этикетка на краснодарском рисе: «Вкуси древнюю мудрость Тибета» — это нормально. Но теперь, когда я узнал, что на упаковках наших новых макарон появилась надпись «Продукт биоактивирован торсионным полем»...

— Но ведь это правда! Мы установили на линии аппарат, который...

— Вот в том-то и дело, что это правда! Если бы ты просто продавал биоторсионные макароны, то и вопросов бы не было. Но ты действительно, пользуясь финансовой самостоятельностью начальника отдела, без моей санкции закупил для нашей упаковочной линии какой-то шарлатанский дорогой агрегат, предназначенный... — директор открыл бухгалтерский отчет и, близоруко щурясь, нашел строчку. — «Для энергоинформационной очистки пищевой продукции с помощью направленных торсионных полей». Идиот! Кретин! Да над нами теперь все ухохатываются! Мы слышали, говорят, ваша фирма теперь выпускает торсионную лапшу? Я никогда не поверю, что можно быть таким дебилом искренне. Сколько тебе за это откатали, придурок? Теперь нам звонят по пять раз в день и предлагают купить то фильгры Петрика, то изгнать из офиса бесов и привидений, то оттопырить чакры. Все, убирайся прочь, чтобы глаза мои тебя больше не видели!

Побагровевший Алик медленно пошел к выходу, провожаемый смешками уже бывших коллег. Если бы директор отчитал его в своем кабинете, это было бы обидно и несправедливо, но не так больно. Ведь он виноват всего лишь в том, что хотел привнести в работу фирмы самые последние передовые технологии. И как только Николай посмел оскорбить его прямо перед всем отделом! Это ему с рук не сойдет.

Прошло почти два месяца. С работой ничего не получалось. Алик уже окончательно понял, что теперь его никуда не возьмут — сплетни разносятся быстро. В записной книжке остался только один еще не вычеркнутый телефон. Последний звонок.

— Здравствуйте, я Алик Горин, слышал, у вас есть вакансия...

— А-аа! Изобретатель энергоинформационной закрутки макарон? Слышали, слышали, как же! Нет, все вакансии уже заняты. — Алику показалось, что собеседник прикрывает микрофон рукой и давится от смеха.

Это был конец. Теперь его жизнь разрушена. Из банка позвонили еще с утра и напомнили о выплате кредита за квартиру. Машину тоже скоро отберут. И виной всему этот зарвавшийся выскочка Николай, по своей тупости не понимающий силу древних сакральных знаний и эзотерической истины.

Нельзя допустить, чтобы такие люди безнаказно оскверняли Землю. Этот человек должен умереть лютой смертью. Не зря Алик обучался по дорогой секретной методике особой школы ниндзя, о которой не знали даже сами ниндзя. Не зря раскрывал чакры у лучших Мастеров. Пришло время отомстить за Вселенную с помощью особых знаний, данных ему Учителем.

— Вызываю скорую, у нас тут человек-паук дуба дает...

Алик уже не слышал, что говорит милиционер. Голова наполнилась туманом. Лицо патрульного расплылось и превратилось в образ Масару Эмото.

— Учитель! Это ты! Прости меня, — прошептал про себя теряющий сознание Алик. — Я знаю, что ты призывал к добру, и не одобрил бы моего поступка. Но я не мог поступить иначе. Это дело чести. Я умираю, но моя месть настигнет его. Этот человек разрушил мою жизнь и понесет заслуженное наказание — мучительно погибнет, даже не понимая, что с ним происходит. Да, я сделал это, у меня получилось! Я подменил бутылку с водой в его холодильнике. Завтра он придет на работу, выпьет стакан моей воды и вскоре сгниет заживо! Его ничто не сможет спасти — ведь я согласно твоей методике, Учитель, целый месяц говорил этой воде Очень Плохие Слова!

ПИЩА НЕУЯЗВИМЫХ

А ученые мужи тем временем толковали Людовику XV о ликантропии. Однако король прислушивался не только к ним, выслушал он и прибывшего из Оверни за помощью маркиза д'Апше.

— Сколько погибших?

— Одиннадцать, — отвечал маркиз. — Съеденных.

— И что, никто не может уничтожить эту тварь?

— Он неуловим, Ваше Величество. Боюсь, он еще и неуязвим...

Монах протянул руку. На его ладони лежал маленький кусочек металла.

— Это серебряная пуля, окропленная святой водой. Вы знаете, маркиз, я не верю в оборотней, но, да простит мне Господь, пусть будет так!

(Французская киноверсия «Братство Волка»)

Франция, Юрские горы, Франш-Конте, 1600 год.

Жюль де Монси просидел на дереве уже битых пять часов, а оборотень так и не появился. Ноги затекли и не слушались, к тому же промозглый осенний ветер усилился к вечеру. Жюль опустил мушкет, достал Библию, перекрестился и стал вполголоса читать молитву. Именно в этот момент из чащи выпрыгнул гигантский волк. Он остановился почти под деревом, поднял голову и посмотрел прямо в глаза Жюлю. Несмотря на то, что де Монси был опытным охотником, ледяной ужас сковал его и так одеревеневшие от холода руки. Сам дьявол снова смотрел на него и, казалось, насмехался над всеми попытками отправить его обратно в ад. За последний месяц де Монси семь раз встречал волка-людоеда, уже давно наводящего ужас на всю округу, но каждый раз сатанинское отродье уходило невредимым, как заговоренное. Не помогали ни молитвы,

ни благословление на охоту местного архиепископа. Не мог помочь даже особый мушкет, который мастер из Майнца делал на заказ более полугода. Дорогой зернистый порох и освященные в церкви св. Доминика особые серебряные пули — все было бесполезно. За это время Жюль стрелял в оборотня уже раз пятнадцать, но ни разу не смог даже ранить чудовище. Оборотень был неуязвим.

Несколько недель назад покойный кюре местного прихода отец Клермон лично нацарапал крестики на серебряных пулях Жюля и освятил их, и в тот день охотнику удалось целых три раза выстрелить в волка. Но ни капли крови не обнаружил де Монси среди уходящих в лес волчьих следов, а когда охотник вернулся в деревню несколько дней спустя, то узнал страшную новость — прямо среди белого дня два волка вбежали в деревню и разорвали на куски слугу Божьего кюре Клермона вместе с приезжим инквизитором, монахом Ксавье. Волки настигли их, когда кюре с инквизитором пошли на околицу проведать прикованную там к дереву, но все еще не сознавшуюся ведьму. И если инквизитора, который сжег в деревне уже шесть человек, не особо жалели, то любимого кюре Клермона оплакивали все.

Крестьяне боялись, что любой другой священник просто откажется приехать в этот далекий приход, ибо недобрая слава о волках-людоедах, свирепствующих здесь, давно распространилась по всей Франции. Никто из местных, впрочем, не сомневался в том, что это были не простые волки, а оборотни.

В прошлом году крестьяне даже поймали трех очень подозрительных людей на дороге, проходящей недалеко от деревни. Царапины на лицах двух путников, несомненно, показывали, что они недавно превращались в волков и ранили себя во время этого превращения. Их тут же забили кольями, а третьему путнику разрезали кожу в поисках вывернутой волчьей шерсти. Это был очень хитрый оборотень — он спрятал шерсть так глубоко, что ее не нашли, поэтому на всякий случай крестьяне пронзили ему сердце осиновым колом и закопали на распутье дорог, навалив сверху кучу камней. Но нападения оборотня

на несчастных жителей все равно продолжались. Тогда кюре Клермон пообещал собрать награду тому, кто уничтожит демонического зверя. Так известный и бесстрашный охотник де Монси и оказался в этих проклятых Богом местах. Он был на мели, и деньги оказались бы весьма кстати. Но теперь Жюль уже сожалел о своем решении, сила дьявола оказалась явно сильнее его мастерства.

Тем временем инстинкт охотника сработал сам. Жюль медленно упер тяжелый мушкет в кожаную подушку на правом плече и навел его в сторону волка, используя толстый сук вместо подставки. Зверь зарычал и прыгнул обратно в чащу. Но де Монси повезло — несмотря на сильный ветер, фитильный замок не потух, и охотник все же успел выстрелить. И снова сила дьявола защитила оборотня. Чудовище было недалеко от дерева, примерно в 100 пье от Жюля, но даже освященная серебряная пуля была отклонена демонами и лишь слегка царапнула лапу волка, который спустя мгновение скрылся в густом лесу. Охотник перезарядил мушкет еще одной серебряной пулей и с трудом спустился с дерева. На снегу виднелась пара маленьких пятнышек крови. Похоже, зверь отделался очень легкой раной. Но все же наконец Жюль попал в него! Преследовать волка в лесу было бессмысленно. Де Монси разочарованно вздохнул и отправился в деревню.

На подходе к деревне охотник увидел большую толпу. Оказалось, что гроза ведьм, колдунов и оборотней, легендарный судья Анри Боге из Доле лично приехал сюда с десятью помощниками и палачом, чтобы разобраться с гибелью инквизитора. С присущей ему энергией он быстро обнаружил двух ведьм, превратившихся в волчиц и напавших на кюре и инквизитора. Ведьмы уже признались, всего после трех часов пытки отрывания грудей раскаленными щипцами. Теперь толпа собирала хворост, чтобы как можно быстрее их сжечь.

Де Монси подошел к судье и поведал о своей охоте. После рассказа Жюля о раненном оборотне в воздухе повисла напряженная тишина. Крестьяне были напуганы. Значит, есть еще один оборотень, кроме этих двух пойманных ведьм? Глухой

ропот стал подниматься в толпе. Люди подозрительно смотрели друг на друга. Озадачен был и судья Боге. Но свою славу истребителя оборотней он заслужил не зря и выход нашел быстро.

— Вы говорите, что ранили волка в лапу? — внезапно спросил судья у Де Монси и, повернувшись, схватил за руку стоящего рядом мельника. — А что это у тебя с рукой?

По руке мельника змеился свежий шрам.

— Я поранился сегодня, когда чинил колесо телеги... — начал ничего не подозревающий мельник и тут же осекся. Сотни ненавидящих глаз смотрели на него.

— Вот он, оборотень! Сжечь его! Попался! Я давно подозревал! Сжечь беса!

Уже через минуту кричащий мельник был привязан к столбу рядом с ведьмами. Ярко разгорелся огонь. Судье Боге не понравилось, что не были соблюдены мелкие судебные формальности, но он и не подумал идти против обезумевшей толпы. В конце концов, какая разница, и этот мельник так или иначе признался бы через несколько часов пыток. Боге ведь и был знаменит тем, что за время его пребывания судьей еще ни одна ведьма не была им оправдана.

Усталый Жюль прошел в дом покойного кюре Клермона, завалился на сырую покосившуюся кровать и забылся тяжелым сном.

Старый матерый волк лежал у своего логова, пока волчица лизала его лапу. Постепенно вся стая собралась вокруг.

— Ерунда, жалкая царапина, — презрительно провыл волк. — Но за это люди еще заплатят сполна.

— Неужели ты не учуял человека? — спросила волчица.

— Как их можно не учуять, когда они пахнут так, что даже мухи слетаются со всей округи? Я сегодня слегка потерял осторожность, а человеку просто повезло.

— Тебе не кажется, что люди стали более опасны? — почти-точно спросил один из молодых волков стаи.

— Человек куда менее опасен, чем загнанный кабан.

— Но с тех пор, как у них появились эти огненные палки...

— Ерунда, эти ружья, как они их называют, были нам опасны только сначала, а теперь они только мешают человеку. Люди слишком полагаются на них. А нам это только помогает.

— Ты много прожил, и ты очень мудр и много знаешь о людях, расскажи нам о них, — попросил молодой волчонок. — Откуда пришли они и зачем. Они очень странные звери.

Несмотря на царапину, причиненную серебряной пулей, старый волк был сегодня настроен благодушно и решил поведать истории предков тем, кто их еще не слышал.

— Я не знаю точно, это лишь старая легенда, — повел свой рассказ старый волк, — но как рассказывали наши предки, в древние времена Создатель, увидев, как тяжело добывают пищу волки, решил сотворить нам помощников. И тогда Он создал первого человека, чтобы тот служил нам, собирал и пас для нас тучные стада коз и овец, и подгонял их поближе к лесу, чтобы мы, волки, могли ими насыщаться. И тогда самый первый созданный человек женился на своем собственном ребре, и начал размножаться, и плодить пастухов для наших стад. Но со временем человек забыл Его заповеди и иногда осмеливался даже поднимать свою руку на волков. Тогда и мы начали иногда охотиться на людей, и оказалось, что у них очень вкусное и сладкое мясо. Но в тех местах, где волки ели много людей, некому стало следить за нашими стадами, овцы и козы разбредались куда глаза глядят, и охотиться на них становилось труднее. Тогда старейшины приняли Закон о том, что ловить и есть людей можно только тогда, когда они представляют угрозу. И кто нарушит этот Закон без причины, пусть того разорвет стая. С тех пор волки избегали нападать на людей. А люди стали думать, что волки их боятся.

— Но мы же нападаем и едим людей, значит, мы нарушаем древний Закон? — удивленно спросил другой молодой волк.

— Сейчас людей стало слишком много, и нам надо регулировать их численность, нам не нужно столько пастухов, — пояснил старый волк. — К тому же люди стали сами на нас нападать безо всякой причины. С ними что-то случилось.

Они сошли с ума и стали иногда даже есть себе подобных. Но обвиняли в этом, нас, волков. Вот тогда и был отменен Закон. Потом люди обезумели еще больше, и теперь каждый раз, когда мы убиваем какого-нибудь человека, они собираются, хватают других людей и сжигают их. Можно подумать, что они принимают их за волков. А как мне кажется, они даже считают, что эти люди на самом деле могут превратиться в волка. Глупость человеческая не знает границ.

— А почему ты сказал, что их ружья были более опасны сначала, чем теперь? — молодой неопытный волчонок был очень любопытен и любознателен. — Что с ними случилось?

— Во-первых, много тех ружей, которые были опасны, люди сожгли сами. А еще потому, что люди, как я думаю, принимают нас за оборотней и теперь считают, что нас может убить только... только... — Тут старый волк не выдержал и, сбросив всю свою привычную важность, стал кататься по земле в приступах почти человеческого хохота. Стая подозрительно следила за ним. У некоторых волков в глазах читался вопрос: так уж ли неправы люди насчет оборотней? Может, со старым волком что-то не так?

— Они... они теперь считают, что нас можно убить только серебряной пулей, — овладев собой и отдышавшись, произнес, наконец, старый волк. — И перед тем, как использовать эту пулю, они поливают ее водой, царапают ее, и долго ходят вокруг нее, что-то говоря. Поэтому они никогда не смогут убить никого из нас.

— Почему?

— Потому что их серебряные пули никогда не попадают в цель.

— А если люди когда-нибудь об этом догадаются?

Старый волк ласково потрепал любопытного волчонка за загривок.

— Не переживай, малыш. Они это знают, я видел как они проверяли свои пули, когда охотился далеко отсюда. Все серебряные пули ушли мимо. Тогда люди решили, что эти пули святые, и на них не могут удержаться демоны. Поэтому люди верят, что нас можно убить только такой пулей. А пока

они настолько глупы и суеверны, они не смогут ничего нам сделать. И запомни — люди всего лишь наша пища. Хитрая, изворотливая, опасная, но всего лишь еда.

Старый волк ослабился и завыл на луну, благодаря Создателя за то, что он так и не дал людям разума.

Жюль проснулся в ужасе и замотал головой, стряхивая с себя остатки бесовского сна. Надо же, чтобы ему приснились какие-то дьявольские волки, да еще и говорящие. Сатанинское наваждение. Охотник встал с кровати и вышел на крыльцо. На улице уже рассвело, но еще кричали последние петухи. Легкий дымок поднимался над сгоревшими трупами оборотней. В воздухе еще слабо пахло жареным мясом. Кости на столбах лениво обгрызали деревенские собаки. Жюль вернулся в дом, съел кусок заплесневевшего хлеба, запил холодной водой, взял мушкет, мешок, и пошел по дороге к лесу. Нет, охотиться он больше не собирался. И оставаться здесь тоже. Хватит с него. Он пойдет короткой дорогой в соседнюю деревню, что в паре лье к северу, а там знакомый кузнец подбросит его к городу. Жюль шел быстро, не замечая, что из лесной чащи за ним пристально наблюдают несколько пар внимательных волчьих глаз.

примечание:

Известное описание испытания серебряных пуль по настоянию архиепископа Майнца приводится во многих трактатах по истории огнестрельного оружия. Из описания ясно, почему серебряная пуля не могла быть опасна оборотням (хотя в реальности мифы о «неуязвимой нечисти» появились, вероятно, позже, напр. ведьма из сказок братьев Гримм, которую убила только серебряная пуля и т.д.). В книге Джека Келли «Порох» история испытаний излагается так:

«Преимущества винтовки [ружья с нарезным стволом] наверняка повергли в изумление первых стрелков из нее. Словно по волшебству, их выстрелы стали гораздо точнее. К волшебству и обратились в поисках

объяснений. В 1522 году баварский чернокнижник по имени Мореций исчерпывающе объяснил эффект нарезов. На траекторию обычных пуль, заявил он, влияют демоны — мелкие бесенята, хорошо знакомые каждому промазавшему стрелку. А пуля из нарезного оружия летит по прямой, поскольку ни один демон не может удержаться на крутящемся предмете. В качестве доказательства Мореций указывал на небеса, вращающиеся вокруг Земли и свободные от демонов, — и на неподвижную Землю, кишевшую ими.

Как и многие гипотезы, основанные на вере в сверхъестественное, теория Мореция спровоцировала обширную дискуссию. Оппоненты предложили иную — столь же правдоподобную — точку зрения: бесы, напротив, предпочитают именно вращающиеся тела. Именно этим объясняется меткость винтовки: ее пулю ведут к цели демоны. Наконец, в 1547 году гильдия стрелков города Майнца в центральной Германии решила проверить теорию практикой.

Сначала по целям, находившимся на расстоянии 200 ярдов, из нарезных ружей было выпущено двадцать обычных свинцовых пуль. Затем из тех же ружей выстрелили двадцатью пулями, отлитыми из чистого серебра, трижды освященными и с маленьким крестиком на каждой. Из обычных пуль в цель попали девять, все освященные прошли мимо. Дело было ясное: демоны предпочитают вращение. Церковные власти запретили в городе дьявольские нарезные ружья, горожане бросали их в костер на городской площади.

Дело, вероятно, было в том, что серебро, в отличие от более мягкого свинца, недостаточно плотно „влипало“ в желобки-нарезы. А может быть, нацарапанные крестики ухудшали устойчивость освященных пуль».

Оглавление

ИСТИННАЯ РЕЛИГИЯ	7
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ	16
АКЕЛА И МАУГЛИ.	19
СИМБИОНТ	25
ДЕЛО В ШЛЯПЕ.	34
САД.	47
КВАНТОВЫЙ КОТ.	54
АВАТАР: ПЯТЫЙ ДУБЛЬ	59
АВАТАРАТЮРЫ	67
ЯБЛОКО.	76
ПРЕДАТЕЛЬ	79
АТЕИСТ	81
DE NATURA RERUM	84
ИСТИНА	89
ЭФФЕКТ БАБОЧКИ.	102
ДЕСЯТОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.	104
ХУЛА	109
ПОСЛЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ	113
МЕСТЬ.	117
ПИЩА НЕУЯЗВИМЫХ	121

